

ЖЮЛЬ ВЕРН

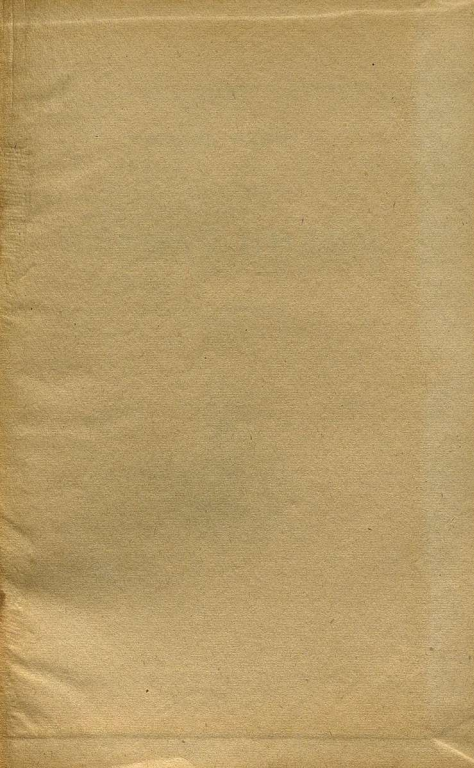
Черная Индия

ДЕТГИЗ 1945

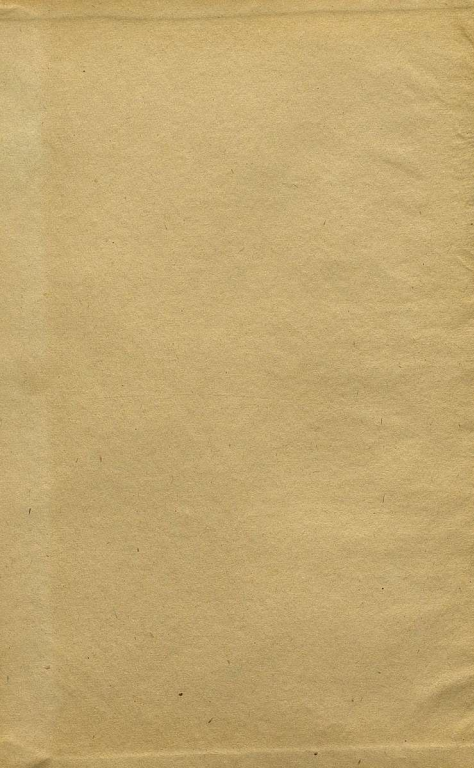

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЖЮЛЬ ВЕРН

В 35

ЧЕРНАЯ ИНДИЯ

Перевод и обработка
З. БОБЫРЬ

Рисунки В. Ермолова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

5409

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ
ДЕТСКОГО~~

ЖЮЛЬ ВЕРН

Имя Жюль Верна еще при жизни знаменитого романиста было окутано множеством легенд. Одна из них гласила, что никакого Жюль Верна... вообще не существует. Любители «точных, абсолютно проверенных сведений» уверяли, будто этим именем прикрывается целая группа ученых и писателей, работающих коллективно.

Причины возникновения такой легенды понять нетрудно.

Действительно, откуда могут взяться у одного человека столь обширные познания в самых разнообразных областях науки и техники? Ведь герои романов Жюль Верна в курсе решительно всех естественных наук — и физики, и химии, и зоологии, и ботаники, и геологии, и палеонтологии, и метеорологии, и астрономии. Они превосходно разбираются во всех тонкостях артиллерийского дела и с жаром обсуждают проблемы планирования новых городов.

Далее — откуда у одного человека такое великолепное знание всего земного шара?

Вот небольшая статистическая справка, составленная известным советским ученым-популяризатором Я. И. Перельманом: в десяти романах Жюль Верна действие происходит в Европе, в четырех романах — в Азии, семь романов переносят нас в Африку, три — в Австралию, девять — в Америку, три — в Арктику и Антарктику. Открытое море — место действия шести романов Жюль Верна. В пяти

693404 кх ред

книгах он описывает кругосветные путешествия. В самом деле, это материал для работы целого географического общества!

Еще одно обстоятельство способствовало созданию легенды о Жюль Верне — огромное количество написанного им. Первый его научно-фантастический роман «Пять недель на аэростате» появился в 1863 году, и с тех пор в течение почти полувека каждый год выходили в свет две книги за его подписью. Эту свою «норму» он почти никогда не нарушал.

Как видите, для домыслов досужих репортеров материал и вправду имелся большой. Однако Жюль Верн — отнюдь не изобретение газет. Великий писатель действительно существовал и прожил большую часть своей жизни в провинциальном французском городе Амьене. Он родился в 1828 году (в Нанте) и умер в 1905 году, сорок лет тому назад. Первое произведение в жанре научной фантастики, прославившем его имя, он написал, когда ему было тридцать пять лет.

Уже внешний вид кабинета Жюль Верна показывал, каковы источники, которыми он пользовался в своей работе. Его стол был всегда завален новыми научными книгами и журналами. Все мало-мальски интересное моментально выписывалось на специальные карточки. Таких выписок после смерти писателя в его архиве оказалось свыше двадцати тысяч. Все новые изобретения и открытия внимательно регистрировались в его замечательной картотеке.

Но Жюль Верн был не только человеком выдающейся культуры, изумительной любознательности и работоспособности, он обладал также совершенно исключительным воображением. Ученый с осторожностью, обязательной в научной работе, выдвигал новую гипотезу, изобретатель неуверенно нащупывал пути, как практически воплотить новый технический принцип, а Жюль Верн видел их усилия уже доведенными до логического конца, он делал самые смелые выводы из этих порой еще робких попыток. Фантастика Жюль Верна, как правило, строится на гранитной базе науки. Поэтому-то столько технических новинок сегодняшнего дня им правильно предсказано и предугадано.

Вспомните хотя бы «Наутилус», эту идеальную подводную лодку, проделавшую по воле Жюль Верна 80 000 километров под водой. «В природе, — говорит в его романе строитель «Наутилуса» капитан Немо, — есть сила — послушная, быстрая, простая в обращении. Она делает все на моем корабле. Освещает, отопливает, приводит в движение машины. Эта сила — электричество». До десяти различных работ, производимых электричеством, предусмотрены романистом в этом его произведении, написанном в 1868 году, когда даже обыкновенная электрическая лампочка была делом будущего.

Не было во времена Жюль Верна ни телевидения, ни автомоби-

лей, ни сверхдальней артиллерии, ни летательных аппаратов тяжелее воздуха. Но в его книгах все это (и многое другое) налицо.

Как справедливо заметил один остроумный человек, «самое удивительное в романах Жюль Верна это то, что теперь в них сплошь и рядом нечему удивляться».

Жюль Верн был прозорливым, гениальным фантастом. Но творческая фантазия его работала не только тогда, когда он попадал в мир машин. Не менее высоко ценил и любил он фантастическое, необычное в жизни людей. Все его герои — люди активные, волевые; любая загадка, с которой они встретятся, должна быть разгадана, любая трудность — преодолена. Отсюда те бесконечные и бесконечно увлекательные приключения, которые выпадают на долю его героев. В погоне за приключениями они не удовлетворяются материками и океанами, нанесенными на карту, они стремятся проникнуть как можно дальше, они отправляются в путешествие к центру Земли, они проносятся в пушечном снаряде вокруг Луны.

Любопытно, однако, что имеются у Жюль Верна произведения, в которых он как бы отказывается от некоторых своих излюбленных приемов, что несколько, впрочем, не мешает этим произведениям быть типично жюльверновскими. На обложке этой книги стоит заголовок: «Черная Индия». Читатель, взглянув на книгу, наверно решит, что речь в ней идет об Индии. «Сколько интереснейших приключений, — подумает он, вероятно, — может произойти в такой экзотической стране!» Но на этот раз писатель «подвел» своего читателя: «Черная Индия» оказывается Шотландией, ее знаменитыми каменноугольными копями. Это обстоятельство не должно все же разочаровывать поклонников приключенческой литературы: на обыденном, «прозаическом», как может показаться на первый взгляд, материале Жюль Верн сумел развернуть исключительно напряженный, захватывающий сюжет.

Примечательна эта повесть и в другом отношении: в ней Жюль Верн почти совсем не прибегает к техническому предвидению, составляющему отличительную черту большинства его произведений. Решающие события в повести происходят при свете предохранительной лампы Дэви, изобретенной еще в 1815 году, задолго до рождения писателя. Но какие поразительные, какие головокружные приключения переживают герои «Черной Индии», вооруженные этой столь простой на вид горняцкой лампой!

Не стоит пересказывать, что именно им пришлось пережить, — не к чему портить удовольствие читателям, преждевременно раскрывая тайну шахты Дочерт. Но хочется сказать несколько слов о лампе Дэви, играющей большую роль в повести Жюль Верна.

В прошлом самым страшным врагом шахтеров был рудничный газ метан. Так как ни цветом, ни запахом он не обладает, то присутствие

его обнаружить нелегко. Но в соединении с воздухом он образует взрывчатую смесь, и достаточно малейшей искры, чтобы произошел взрыв. Тысячами жертв ежегодно оплачивала Англия добычу угля. Без ламп под землей работать нельзя, и шахтеры работали, каждую минуту ожидая катастрофы.

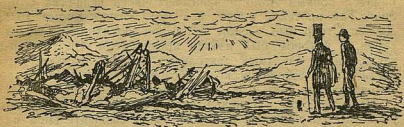
Сама жизнь действительно ставила вопрос о создании безопасной лампы для шахтеров. Эту проблему удалось разрешить знаменитому английскому ученому Гемфри Дэви. Выход из положения он нашел весьма простой. Стоило лишь окружить пламя лампы металлической сеткой, и угроза взрыва устранилась, — правда, при условии, что воздух в шахте не находится в движении.

Проволочная сетка охлаждает продукты горения до температуры ниже той, при которой смесь рудничного газа с воздухом взрывается. Как только лампа Дэви попадает в атмосферу, насыщенную рудничным газом, она сразу же гаснет. Сейчас лампа Дэви уже устарела, но для многих поколений шахтеров она была подлинным благодеянием. Недаром с таким теплым чувством говорит о ней герой «Черной Индии» старый шахтер Симон Форд.

Старик Форд — один из интереснейших и наиболее привлекательных образов Жюль Верна. Характерные особенности его: смелость, настойчивость, любовь к родной шахте, пролетарское уважение к любимой профессии. Этими благородными качествами отличаются лучшие представители английского рабочего класса, и эти свойства их ярко проявились в дни войны против германского фашизма. Нетрудно догадаться, что особенно дорого Жюль Верну в образе Симона Форда. В людях труда, как и в людях науки, великий писатель видел носителей технического прогресса, неутомимым певцом которого он был. Чрезвычайно показательна в «Черной Индии» та дружба, которая соединяет инженера Старра и рабочего Форда. Во времена, изображенные в повести Жюль Верна, такая дружба завязывалась сравнительно редко, но она стала правилом в наше время, в нашей стране, технический прогресс которой основан на прогрессе социальном.

Г. Ленобль

ГЛАВА I

Два противоречивых письма

«М-ру Дж. Р. Старру, инженеру
30, Канонгэт, Единбург

Если м-р Джемс Старр соизволит явиться завтра на рудники Эберфойла, шахта Дочерт, ствол Ярроу, то ему будет сделано сообщение, могущее заинтересовать его.

На станции Коллендер м-ра Джемса Старра будет ожидать целый день Гарри Форд, сын бывшего рудничного мастера Симона Форда.

Просьба держать это приглашение в тайне».

Таково было письмо, полученное Джемсом Старром с первой почтой 3 декабря 18.. года, — письмо, на котором стоял штемпель Эберфойлской почтовой конторы, графство Стирлинг, Шотландия.

Любопытство инженера было сильно задето. Ему не приходило в голову, что это письмо могло быть мистификацией. Он давно уже знал Симона Форда, одного из прежних рудничных мастеров в копиях Эберфойла, директором которых он, Джемс Старр, был в течение двадцати лет.

Джемс Старр был человеком крепкого сложения, и его пятьдесят пять лет были для него не тяжелее сорока. Он принадлежал к старинной эдинбургской семье. Его деятельность славилась в почтенной корпорации инженеров, которые постепенно истощают угленосную подпочву Соединенного королевства как в Кардифе и Ньюкэстле, так и в нижних графствах Шотландии. Имя Старра завоевало себе уважение особенно в копиях Эберфойла, которые гра-

ничат с копиями Алло и занимают часть графства Стирлинг. Там протекла почти вся его жизнь. Кроме того, Джеймс Старр был членом Общества шотландских антикваров, в котором был избран президентом. Он считался также одним из самых деятельных членов Королевского института, и «Эдинбургское обозрение» часто печатало замечательные статьи за его подписью.

Известно, что англичане дали всем своим обширным угольным разработкам в целом очень выразительное название: «Черная Индия», и эта Индия, быть может, еще больше, чем настоящая, способствовала поразительному обогащению Соединенного королевства. Там днем и ночью работает племя шахтеров, извлекая из английской подпочвы уголь — это драгоценное горючее, жизненно необходимое промышленности.

В то время, когда Джеймс Старр начал работать в копиях Эберфойла, предельный срок истощения копей, вычисленный специалистами, был еще очень далек. В близком будущем нечего было бояться недостатка угля. Угольные залежи Старого и Нового Света еще можно было широко разрабатывать; их использовали различные фабрики, паровозы, пароходы. Газовым заводам не грозила опасность остаться без минерального топлива. Но за последние годы потребление угля выросло настолько, что некоторые залежи истощились вплоть до самых тонких пластов. Покинутые шахты тщетно пронизывали почву своими заброшенными стволами и опустевшими штреками.

Таково было положение и в копиях Эберфойла.

Десять лет назад последняя вагонетка вывезла последнюю тонну угля из этой залежи. Подземное имущество — машины для механической тяги по рельсам в штреках, вагонетки, из которых составлялись подземные поезда, клетки для спуска и подъема, трубопроводы, подававшие сжатый воздух в отбойные машины, — короче говоря, все орудия работы были извлечены из глубины шахт и брошены на поверхности. Истощенная копь походила на труп мастодонта фантастической величины, из которого извлекли все жизненные органы и оставили только скелет.

Из этого имущества остались только деревянные лестницы в стволе Ярроу — единственном дававшем теперь доступ к нижним штрекам шахты Дочерт.

Печален был день, когда шахтеры в последний раз вышли из шахты, в которой провели столько лет.

Инженер Джеймс Стэрт создал несколько тысяч рабочих, составлявших деятельное и отважное население шахты. Отбойщики, откатчики, проводники, закладчики, крепильщики, дорожники, погрузчики, приемщики, кузнецы, плотники — все, женщины, дети, старики, подземные и надземные рабочие, собрались в огромном дворе шахты, когда-то загроможденном углем.

Эти честные люди, работавшие долгие годы, из поколения в поколение, в рудниках Эберфойла и теперь принужденные рассеяться по свету, ждали, перед тем как покинуть шахту навсегда, последних, прощальных слов инженера. Фирма раздала им в виде вознаграждения прибыль текущего года. Правда, это были небольшие деньги, так как прибыль едва превышала расходы по выработке пластов, но и это было помощью для рабочих, пока они устроятся где-либо на соседних шахтах или на заводах графства.

Джеймс Стэрт стоял перед дверью обширного здания, в котором столько лет работали мощные паровые машины подъемного ствола. Его окружали мастера, среди которых был Симон Форд, пятидесятипятiletний мастер шахты Дочерт.

Джеймс Стэрт снял шляпу. Шахтеры, обнажив головы, хранили глубокое молчание. В этой прощальной сцене было нечто трогательное и не лишенное величия.

— Друзья мои, — произнес инженер, — для нас наступил миг разлуки. Копи Эберфойла, столько лет соединявшие нас для общей работы, ныне истощены. Наши разведки не привели к открытию новых пластов, и из шахты Дочерт только что извлечен последний кусок угля.

В доказательство своих слов Джеймс Стэрт показал шахтерам глыбу угля, оставленную в вагонетке.

— Этот кусок угля, друзья мои, — продолжал он, — последняя капля крови из жил нашего рудника. Мы сохраним его, как сохранили первый кусок, извлеченный из эберфойлской залежи сто пятьдесят лет назад. За это время на наших шахтах сменилось много поколений рабочих. Но теперь этому конец! Последние слова, с которыми обращается к вам ваш инженер, это слова прощания. Вы жили шахтой, и она исчерпана вашими руками. Труд был тяжелым, но не без выгоды для вас. Наша большая семья должна рассеяться, и маловероятно, чтобы в будущем мы встретились снова. Но не забудьте, что мы долго жили вместе и что помогать друг другу — долг шахтеров

Эберфойла. Когда люди вместе работали, они не могут оставаться чужими друг другу. Мы будем следить за вами, и куда бы вы ни обратились в поисках честного труда, наши добрые отзывы всюду последуют за вами. Итак, прощайте, друзья мои, и да поможет вам небо!

Сказав это, Джемс Старр крепко обнял старейшего из рабочих рудника, у которого на глаза навернулись слезы. Потом пожать руку инженеру подошли другие мастера, а шахтеры размахивали шляпами и кричали:

— Прощайте, Джемс Старр, наш начальник и друг!

Это прощание должно было оставить вечный след в честных сердцах. Постепенно все с грустью покинули обширный двор. Вокруг Джемса Старра стало пусто. На черных дорогах, ведущих к шахте Дочерт, в последний раз отзвучали шаги шахтеров, и после шумного оживления, доселе наполнявшего Эберфойлские копи, наступила тишина.

С Джемсом Старром остался только мастер Симон Форд. Рядом стоял юноша лет пятнадцати, сын Форда Гарри, уже несколько лет работавший под землей. Джемс Старр и Симон Форд знали и уважали друг друга.

— Прощайте, Симон, — сказал инженер.

— Прощайте, мистер Джемс, — ответил старший мастер, — или, вернее, до свидания.

— Да, до свидания, Симон, — продолжал Джемс Старр. — Вы знаете, что я всегда буду рад вас видеть и поговорить с вами о прошлом нашего старого Эберфойла.

— Я знаю, мистер Джемс.

— Мой дом в Эдинбурге всегда открыт для вас.

— Эдинбург далеко, — возразил мастер, покачав головой, — далеко от шахты Дочерт!

— Далекое, Симон? Где же вы рассчитываете жить?

— Здесь, мистер Джемс! Мы не покинем шахту, нашу старую кормилицу, за то, что ее молоко иссякло. Моя жена, сын и я сам останемся ей верны.

— Прощайте же, Симон, — ответил инженер, голос которого невольно выдавал волнение.

— Нет, мистер Джемс, — возразил мастер, — повторяю вам: до свидания, а не прощайте. Слово Симона Форда, Эберфойл еще увидит вас!

Инженер не захотел отнимать у мастера эту последнюю иллюзию. Он обнял юного Гарри, взволнованно смотрев-

шего на бывшего начальника, в последний раз пожал руку Симону Форду и окончательно покинул рудник.

Вот что произошло десять лет назад; но, несмотря на желание когда-нибудь увидеться, выраженное мастером, Джемс Старр ничего не слышал о старике все это время.

И вот, после десяти лет разлуки, от Симона Форда пришло письмо, приглашающее Джемса Старра немедленно отправиться на старые Эберфойлские копи.

Возможно ли, чтобы старому мастеру удалось открыть какой-либо новый, пригодный к разработке пласт? Нет! Джемс Старр помнил, с какой тщательностью были обследованы Эберфойлские шахты перед прекращением работ. Он сам производил последнее бурение, причем была сделана даже попытка искать угольные пласты под слоями, лежащими обычно ниже угля, вроде красного девонского песчаника, но напрасно. Джемс Старр покинул шахту в твердой уверенности, что в ней нет больше ни куска горючего.

С другой стороны, инженер знал Симона Форда как искусного горняка, одаренного чутьем, знающего свое ремесло. Он не видел Симона с тех пор, как были оставлены Эберфойлские копи. Он не знал даже, что стало со старым мастером, чем занимается сейчас Симон Форд и где он живет. Он знал только, что свидание ему назначено у ствола Ярроу и что Гарри, сын Симона Форда, будет ждать его на станции Коллендер в течение всего следующего дня.

— Поеду, поеду! — повторял Джемс Старр, возбуждение которого все возрастало.

Но тут произошло нечто совсем неожиданное. Это была словно капля холодной воды, разом охладившая кипение его мозга.

К шести часам вечера, с третьей почтой, пришло второе письмо, в грубом конверте, надпись на котором обличала руку, мало привычную к перу.

Джемс Старр разорвал конверт. Там был только клочок бумаги, пожелтевший от времени и словно вырванный из старой тетради. На этом клочке стояла только одна фраза:

«Инженеру Джемсу Старру незачем беспокоиться — письмо Симона Форда теперь не имеет значения».

И никакой подписи.

ГЛАВА II
В дороге

Ход мыслей Джемса Старра внезапно прервался, когда он прочел это письмо, противоречащее первому.

«Что это значит?» спросил он себя.

Он снова взял полуразорванный конверт. На нем, как и на первом, был штемпель Эберфойлской почтовой конторы. Значит, оно пришло из того же пункта графства Стирлинг. Писал его не старый горняк, это было очевидно. Но так же очевидно было, что автор этого письма знал тайну мастера, если так решительно отменял полученное инженером приглашение.

Действительно ли первое письмо теперь не имело смысла? Или Джемсу Старру просто хотели помешать ехать? Не было ли здесь злого намерения нарушить планы Симона Форда?

К этой мысли и пришел Джемс Старр после зрелого размышления. Противоречивость писем только усилила его желание ехать на шахту Дочерт. Если здесь была мистификация, лучше было увериться в этом. Кроме того, Джемсу Старру казалось, что первому письму следует доверять больше, чем второму, то есть верить такому человеку, как Симон Форд, а не анонимному автору.

«Действительно, если на мое решение хотят повлиять, — сказал он себе, — то, значит, сообщение Симона Форда должно быть крайне важным. Завтра я буду в назначенном месте в назначенное время!»

Вечером Джемс Старр подготовился к отъезду. Так как отсутствие его могло затянуться на несколько дней, то он предупредил письмом сэра Эльфистона, председателя Королевского института, что не сможет быть на ближайшем заседании. Он отказался также от нескольких других дел, которыми должен был заниматься на этой неделе. Потом, приказав слуге приготовить саквояж, он лег спать, взволнованный более, чем этого, быть может, заслуживало дело.

На следующий день, в пять часов утра, Джемс Старр вскочил с постели, тепло оделся, так как шел холодный дождь, и вышел из своего дома на Канонгэт, чтобы на пристани Грэнтон сесть на пароход, за три часа поднимающийся по реке Форс до Стирлинга.

Впервые, может быть, Джемс Старр, проходя по Канонгэт, не обернулся, чтобы взглянуть на Холируд, этот

дворец прежних властителей Шотландии. Он не заметил перед входом часовых, одетых в старинные шотландские костюмы: юбки из зеленой материи, клетчатые пледы и сумки из длинношерстой козьей шкуры, мехом вверх. Через несколько минут он прибыл на вокзал, а еще через полчаса — в Эдинбургский порт, где стоял один из пароходов, совершающих рейсы между Эдинбургом и Стирлингом.

Труба «Принца Уэльского» изрыгала клубы черного дыма, котел парохода глухо ворчал. По звуку колокола торопливо собирались запоздавшие пассажиры. Джемс Старр быстро взбежал на палубу. Последний удар колокола, причалы отданы — и «Принц Уэльский» стал разворачиваться, чтобы выйти из бухты, защищавшей его от волн Северного моря.

Стоя под широким навесом на палубе, Джемс Старр не смотрел на окружающие пейзажи, перечеркнутые тонкой штриховкой дождя. Он старательно наблюдал, не следит ли за ним кто-нибудь из пассажиров. Действительно, автор безыменного письма мог и сам быть на палубе. Однако инженер не мог подметить ни одного подозрительного взгляда.

Погода была отвратительная. Дождь, подгоняемый резким ветром, дробился в пыль. «Принц Уэльский» вздымал колесами огромные волны. Ничего не было видно. Древняя крепость Кюльрос с развалинами монастыря Эйрс-Кэстл и квадратной башней XIII века исчезала за густой сеткой дождя.

«Принц Уэльский» остановился у пристани Алло, чтобы спустить нескольких пассажиров. У Джемса Старра сжалось сердце, когда после десятилетнего отсутствия он проезжал мимо этого городка, места разработки крупных копей, кормивших огромное рабочее население. Воображение увлекло его под землю, где шахтеры работали до сих пор. Рудники Алло, почти смежные с Эберфойлскими, продолжали обогащать графство, а соседние давно уже иссякли, и в них не было ни одного рабочего.

Отойдя от Алло, пароход вошел в одну из бесчисленных излучин реки Форс. Он быстро шел между лесистыми берегами. На минуту в просеках показались развалины монастыря Камбескеннет XII века, потом замок Стирлинг и королевская крепость того же имени, где через Форс перекинута два моста, не пропускающие судов с высокими мачтами.

Едва «Принц Уэльский» причалил, как инженер ловко прыгнул на набережную. Через пять минут он был на вокзале. Еще через час он сходил с поезда в Коллендере, большом поселке на левом берегу Тайса.

У станционного здания стоял молодой человек, тотчас же двинувшийся навстречу инженеру.

ГЛАВА III

Встреча

— Ты Гарри Форд? — с живостью спросил Джемс Старр.

— Да, мистер Старр.

— Я не узнал бы тебя, мой мальчик! За десять лет ты стал совсем взрослым.

— А я вас узнал, — ответил молодой горняк. — Вы не изменились, сударь. Вы тот самый человек, который обнимал меня в прощальный день на шахте Дочерт. Такие вещи не забываются!

— Скажи, Гарри, отец здоров?

— Вполне, мистер Старр.

— А мать?

— Мать тоже.

— Это твой отец писал мне, назначая свидание у ствола Ярроу?

— Нет, я.

— Но Симон Форд написал мне и второе письмо с отменой этого свидания? — спросил инженер.

— Нет, мистер Старр, — ответил молодой горняк.

— Хорошо, — отозвался Джемс Старр, не говоря больше об анонимном письме. Потом он снова обратился к молодому человеку: — А можешь ты мне сказать, чего хочет от меня старик Симон?

— Мистер Старр, мой отец хочет сам сказать вам об этом.

— Но ты это знаешь?

— Знаю.

— Хорошо, Гарри, я больше не расспрашиваю тебя. Итак, в путь. Мне хочется поскорее поговорить с Симоном Фордом. Кстати, где он живет?

— В шахте.

— Как, в шахте Дочерт?

— Да, мистер Старр.

— Значит, твоя семья не покидала старую шахту со дня окончания работ?

— Ни на один день, мистер Старр. Вы знаете моего отца. Там он родился, там хочет и умереть.

— Понимаю, Гарри, понимаю... Родная шахта! Он не захотел покинуть ее. И вам там нравится?

— Да, мистер Старр, — ответил молодой горняк, — потому что мы сердечно любим друг друга и нам не много нужно.

— Хорошо, Гарри, — повторил инженер. — В путь!

И Джемс Старр вслед за молодым человеком направился по улицам Коллендера. Через десять минут они вышли из города.

ГЛАВА IV

Шахта Дочерт

Гарри Форд был высокий молодой человек двадцати пяти лет, сильный и хорошо сложенный. Его серьезное лицо и сосредоточенный вид еще с детства выделяли его среди товарищей по шахте. Правильные черты лица, глубокие и кроткие глаза, волосы скорее каштановые, чем белокурые, природная привлекательность — все соединялось в нем, чтобы создать совершенный тип лоулендера, то есть равнинного шотландца. С малых лет закаленный работой в шахте, он был здоровым юношей, хорошим товарищем с отважной и доброй душой. Если в первые годы своей юности Гарри Форд не расставался с кайлом, то позже он приобрел достаточно познаний, чтобы выделяться среди шахтеров, и, наверное, сменил бы своего отца в качестве старшего мастера шахты Дочерт, если бы она не была заброшена.

Гарри Форд и Джемс Старр прошли около мили по левому берегу реки. Молодой человек нес легкий багаж инженера. Миновав извилистый берег, они свернули на дорогу, уходившую в глубь страны под большими, струящимися от дождя деревьями. С обеих сторон вокруг одиноких ферм расстилались обширные пастбища. Стада мирно щипали траву, всегда зеленую на лугах нижней Шотландии; это были безрогие коровы или мелкие овцы с шелковистой шерстью, похожие на игрушечных барашков. Пастуха не было видно, он прятался, вероятно, в каком-нибудь дупле; но вокруг стад бродили колли — собаки харак-

терной для этой местности породы, знаменитые своей бдительностью.

Ствол Ярроу находился милях в четырех от Коллендера. Джемс Старр был взволнован. Он не видел этих мест с тех пор, как последняя тонна эберфойлского угля была погружена в вагоны на станции Глазго. Сельская жизнь сменила промышленную, всегда более деятельную и шумную. Джемсу Старру казалось, что он идет по пустыне.

Инженер грустно оглядывался. Временами он останавливался, чтобы перевести дыхание. Он слушал. Теперь уже не слышались далекие свистки и задыхающийся шум машин. На горизонте не видно было струй черного дыма, которые рабочие любят видеть на фоне облаков. Ни одной высокой трубы, изрыгающей дым, ни одного выпускного трубопровода, из которого плывущего белым паром. Почва, раньше покрытая угольной пылью, теперь была чистой, и Джемс Старр не узнавал ее.

— Да, Гарри, все изменилось, — вздохнул инженер. — Но здесь добывали столько угля, что копи должны были в один прекрасный день иссякнуть. Ты жалеешь о том времени?

— Жалею, мистер Старр, — ответил Гарри. — Работа была тяжелой, но захватывала, как всякая борьба.

— Без сомнения, мой мальчик! Борьба ежеминутная, опасность обвалов, пожаров, наводнений, взрывов газа! Нужно было отражать все эти опасности. Ты сказал верно. Это была борьба и, следовательно, кипучая жизнь.

— Право, — вскричал молодой человек, — можно пожалеть, что не весь земной шар состоит из каменного угля! Тогда его хватило бы на много миллионов лет.

— Конечно, Гарри. Но нужно признаться, что природа поступила предусмотрительно, создав нашу планету главным образом из песчаника, известняка и гранита, которых огонь не может сжечь.

— Вы хотите сказать, мистер Старр, что люди в конце концов сожгли бы весь земной шар?

— Да. Весь целиком, мой мальчик, — отвечал инженер. — Земля перешла бы до последнего кусочка в топку паровозов, пароходов, газовых заводов; и, конечно, именно так и кончился бы наш мир в один прекрасный день.

Беседуя, Джемс Старр и его проводник через час после выхода из Коллендера подошли к шахте Дочерт.

На невысоком холме виднелся силуэт огромного копра, медленно разъедаемого солнцем и дождем. На вершине этого сооружения еще виднелось чугунное колесо, а ниже — большие барабаны, на которые когда-то навивались канаты для подъема клетей на поверхность.

Здесь можно было узнать разрушенный зал для машин, некогда снявших стальными и медными частями. Куски стен валялись на земле среди поломанных, позеленевших от сырости балок. Остатки коромысел, к которым прикреплялись поршни откачивающих насосов, разбитые и покрытые грязью подшипники, шестерни с отбитыми зубьями, опрокинутые приемные механизмы, несколько ступенек лестницы, еще держащихся на подпорах, похожих на ребра ихтиозавра, рельсы на треснувших шпалах, еще прикрепленные двумя-тремя расшатанными костылями, подвесные канаты, которые не выдержали бы веса пустой вагонетки, — таков был унылый вид шахты Дочерт.

— Какое запустение! — произнес Джемс Старр, взглянув на молодого человека.

Они вошли под навес, прикрывавший устье ствола Ярроу, по лестницам которого можно было спуститься в нижние ярусы шахты.

Инженер склонился над устьем ствола.

Отсюда вырывался когда-то мощный ток воздуха, всасываемого вентиляторами. Теперь это была безмолвная пропасть, словно жерло погасшего вулкана.

Джемс Старр и Гарри ступили на первую площадку.

В период работ в некоторых прекрасно механизированных стволах Эберфойла действовали остроумные приборы: клетки с автоматическими парашютами, вращающиеся лестницы, позволявшие шахтерам спускаться без опаски и подниматься без усталости. Но с прекращением работ эти усовершенствования были сняты. В стволе Ярроу остался только длинный ряд лестниц, разделенных узкими площадками на отрезки в пятьдесят-шестьдесят футов. Тридцать таких лестниц, соединенных между собой, позволяли спускаться до самой нижней штольни, на глубину полутора тысяч футов. Это был единственный путь сообщения между недрами шахты Дочерт и поверхностью земли. В стволе Ярроу, соединявшемся штреками с другим стволом, устье которого находилось на более низком уровне, действовала вентиляция: нагретый воздух шел естественным путем по этому своеобразному опрокинутому сифону.

693407

У Гарри была только простая керосиновая лампа, которую он и зажег. В лишенных угля копиях метан¹ не выделялся больше. Следовательно, нечего было бояться взрыва и незачем было заботиться о лампе с металлической сеткой, не дающей газу воспламениться.

Гарри спустился с первых ступеней лестницы, и Джемс Старр последовал за ним. Оба скоро оказались в глубокой тьме, освещаемой только лампой, которую молодой человек держал над головой. Они прошли уже десять лестниц, спускаясь мерным шагом, привычным для горняков. Лестницы были еще в хорошем состоянии. Джемс Старр с любопытством оглядывал стены мрачного колодца, обшитые полусгнившими досками.

Дойдя до пятнадцатой площадки, то есть до половины дороги, они остановились, чтобы перевести дыхание. Но в тот момент, когда оба готовились уже идти дальше, в глубине ствола раздался отдаленный голос. Он приближался, как звучная, постепенно нарастающая волна, и становился все слышнее.

— Эй, кто там идет? — спросил инженер, останавливая Гарри.

— Не могу сказать, — ответил молодой человек.

Оба стали ждать.

Голос раздался с великолепной звучностью, словно в акустическом павильоне, и вскоре Гарри расслышал несколько слов шотландской песни.

— Озерная песня! — вскричал Гарри. — Ну, я бы очень удивился, услышав ее от кого-нибудь другого, кроме Джека Райана!

— А кто этот Джек Райан с таким чудесным голосом? — спросил Джемс Старр.

— Бывший товарищ по шахте, — ответил Гарри. Потом, наклонившись с площадки, он крикнул: — Эй, Джек!

— Это ты, Гарри? — послышался ответ. — Подожди меня, я иду!

И песня полилась снова, громче прежнего.

Через несколько минут на фоне светового блика, отбрасываемого лампой, появился высокий парень лет двадцати пяти, с веселым лицом, улыбающимися глазами, смеющимся ртом и желто-белокурыми волосами. Он вступил на площадку пятнадцатой лестницы. Первым его движением было крепко пожать руку Гарри.

---

¹ Метан — бесцветный горючий газ, образующийся в месторождениях каменного угля.

— Рад тебя встретить! — воскликнул он. — Но, сохрани меня святой Мунго, если бы я знал, что ты был наверху сегодня, я мог бы не трудиться спускаться в шахту!

— Мистер Джеймс Старр, — сказал Гарри, повернув лампу к инженеру, остававшемуся в тени.

— Мистер Старр? — отозвался Джек Райан. — Ах, господин инженер, я не узнал вас! С тех пор как я ушел из шахты, глаза мои отвыкли видеть в темноте, как раньше.

— А, я теперь вспоминаю мальчика, который всегда шел. Вот уже десять лет прошло с тех пор. Это был ты, конечно?

— Я самый, мистер Старр. И, переменяв работу, я не переменял нрава, как видите. Ба! Смеяться и петь, я думаю, лучше, чем стонать и плакать.

— Конечно, Джек. А что ты делаешь с тех пор, как ушел из шахты?

— Я работаю на ферме Мельроз, близ Эрвайна, в сорока милях отсюда. Но это не стоит наших Эберфойлских копеек. Кайло мне было больше по руке, чем лопата или мотыга. И потом, в старой шахте были звонкие уголки, веселое эхо, так бодро отражавшие голос, не то что наверху... А вы идете к старому Симону, мистер Старр?

— Да, Джек, — ответил инженер.

— Не буду вас задерживать.

— Скажи, Джек, — спросил Гарри, — что тебя привело сегодня к нам?

— Я хотел повидать тебя, приятель, — ответил Джек Райан, — и пригласить тебя на праздник клана¹ Эрвайн. Ты знаешь, я там вольтером. Будем петь, плясать...

— Спасибо, Джек. Но мне нельзя.

— Нельзя?

— Да. Мистер Старр может задержаться у нас, а я должен проводить его обратно в Коллендер.

— Э, Гарри, праздник эрвайнского клана будет только через неделю! До тех пор мистер Старр наверное уедет, и тебя ничто не задержит.

— Конечно, Гарри, — отозвался Джеймс Старр, — надо принять приглашение товарища.

— Хорошо, я согласен, Джек, — сказал Гарри. — Через неделю увидимся на празднике.

— Через неделю, ладно, — ответил Джек Райан. — Прощай, Гарри! Ваш слуга, мистер Старр! Очень рад был

---

¹ К л а н — род.

вас встретить! Могу передать новости о вас всем друзьям. Вас никто не забыл, господин инженер.

— И я никого не забыл, — произнес Джемс Старр.

— Спасибо за всех, сударь.

— Прощай, Джек, — сказал Гарри, пожимая напоследок руку своего друга.

Джек Райан, снова затянув песню, исчез в верхней части ствола, слабо освещенной светом его лампы.

Через четверть часа Джемс Старр и Гарри спустились с последней лестницы в последний ярус шахты. От круглой площадки, составлявшей основание ствола Ярроу, расходились штреки, служившие для разработки угленосного слоя шахты. Одни углублялись в массив сланцев и песчаника, укрепленные трапециями из толстых, едва обтесанных бревен, другие были выложены толстым слоем камня. Жилы, уничтоженные разработкой, были повсюду заменены закладкой.

Столбы, сложенные из камня, взятого в соседних каменоломнях, поддерживали своды, то есть двойные ярусы третичных и четвертичных пород, некогда покоившихся на самой залежи. Темнота наполняла сейчас эти штреки, некогда освещавшиеся то шахтерскими лампочками, то электрическим светом, введенным в шахте в последние годы. В темных проходах не раздавалось больше скрипа вагонеток, бегущих по рельсам, шума быстро закрывающихся воздушных шлюзов, голосов откатчиков, ржания лошадей и мулов, ударов кайл и грохота взрывов, разбиавших угольный массив.

— Хотите отдохнуть, мистер Старр? — спросил молодой человек.

— Нет, мой мальчик, — ответил инженер. — Мне хочется поскорее увидеть старого Симона.

— Так идите за мной, мистер Старр. Я пойду вперед, хотя уверен, что вы отлично нашли бы дорогу сами.

— Да, конечно! У меня сохранился в голове весь план шахты.

Гарри высоко поднял лампу и углубился в высокую штольню, похожую на боковой придел собора. Инженер следовал за ним, иногда натываясь на деревянные шпалы, уцелевшие от старого рельсового пути. Но едва они прошли шагов пятьдесят, как к ногам Джемса Старра упал огромный камень.

— Осторожней, мистер Старр! — вскричал Гарри, хватая инженера за руку.

— Это камень, Гарри! Видно, старые своды не так уж прочны...

— Мистер Старр, — возразил Гарри, — мне кажется, что камень был брошен... и брошен человеческой рукой!

— Брошен? — воскликнул Джемс Старр. — Что ты хочешь сказать, мой мальчик?

— Ничего, ничего, мистер Старр, — уклончиво отвечал Гарри; его озабоченный взгляд, казалось, хотел проникнуть сквозь толстые стены. — Будем продолжать путь. Возьмите меня под руку, прошу вас, и не бойтесь оступиться.

Они пошли дальше. Гарри все время оглядывался назад, освещая своей лампой недра штольни.

— Скоро ли мы дойдем? — спросил инженер.

— Через десять минут, не больше.

— Хорошо.

— А все-таки это странно, — шептал Гарри. — В первый раз со мной случается такое. Нужно же было, чтобы камень упал, как раз когда мы проходили!

— Гарри, это только случай.

— Случай! — повторил молодой человек, качая головой. — Да, случай...

Гарри остановился прислушиваясь.

— Что там? — спросил инженер.

— Мне показалось, что за нами кто-то идет, — отвечал молодой горняк, внимательно вслушиваясь. — Нет, я ошибся. Обопритесь о мою руку покрепче, мистер Старр. Пользуйтесь мною, как костылем.

— Крепким костылем, Гарри, — ответил Джемс Старр. — Нет лучше опоры, чем славный парень вроде тебя.

Оба молча продолжали путь под мрачными сводами. Нередко Гарри, видимо встревоженный, оборачивался, стараясь уловить отдаленный звук или увидеть слабый свет.

Но впереди и позади были только тьма и молчание.

ГЛАВА V

Семейство Форд

Через десять минут Джемс Старр и Гарри Форд вышли наконец из главного штрека.

Молодой горняк со своим спутником подошли к просеке, если так можно назвать обширную и мрачную подзем-

ную выработку. Это пространство, однако, не было совершенно темным. Слабый свет проникал в него из устья заброшенного ствола, пробитого в верхних ярусах. По этому стволу и проходила вентиляция шахты Дочерт. Благодаря своей меньшей плотности теплый воздух устремлялся отсюда к стволу Ярроу.

Таким образом, в эту просеку попадало немного воздуха и света. Там-то, в подземном жилище, выдолбленном в сланцевых массивах, где некогда работали могучие откатные машины, и жил уже десять лет Симон Форд со своей семьей.

Жилище старого мастера часто называли коттеджем¹. Благодаря небольшому состоянию, накопленному за долгую трудовую жизнь, Симон Форд мог бы жить на солнце, среди деревьев, в любом месте Соединенного королевства, но он и его домашние предпочли не покидать копей, где они были счастливы, обладая одинаковыми мыслями и вкусами. Да, им нравился этот коттедж, погребенный под полутора тысячами футов шотландской почвы! Одним из достоинств этого жилища было и то, что здесь можно было бояться только появления агентов, которым могли поручить возобновление разработок и для этого выселить хозяев коттеджа.

В описываемое время Симон Форд, бывший горный мастер шахты Дочерт, еще бодро нес свои шестьдесят пять лет. Высокий, могучий, хорошо сложенный, он мог бы считаться одним из самых замечательных уроженцев кантона, поставляющего столько красивых солдат в полки гайлендеров².

Симон Форд происходил из старинной семьи горняков, и его родословная восходила к временам, когда начались первые разработки шотландских угольных залежей. Это был истый горняк, чья жизнь неразрывно связана с жизнью шахты. Он не покидал ее со дня рождения и захотел остаться в ней, когда работы прекратились. И он остался. На Гарри было возложено снабжение семьи всем необходимым, что же касается Симона, то за десять лет он не поднимался на поверхность и десяти раз.

— Итти наверх? Зачем? — повторял он и не покидал своих черных владений.

Впрочем, в этом абсолютно здоровом месте, при посто-

---

¹ Коттедж — домик в сельской местности.

² Гайлендер — шотландский горец.

янной, ровной температуре старый мастер не знал ни летней жары, ни зимних холодов. Семья его была здорова. Чего еще он мог желать?

Достойной подругой Симона Форда была Мэдж, высокая и сильная «добрая жена», как говорят в Шотландии. Как и ее муж, Мэдж не захотела уходить из шахты Дочерт. Она разделяла в этом отношении все надежды и желания Симона. Она ободряла его и говорила ему с серьезностью, согревавшей сердце старого мастера:

— Эберфойл только спит, Симон! Ты прав. Это только отдых, а не смерть.

Мэдж тоже умела обходиться без внешнего мира и находить счастье в темном коттедже.

Туда-то и прибыл Джемс Старр.

Инженера ждали. Симон Форд с порога устремился навстречу своему бывшему начальнику, как только лампа Гарри издала возвестила о его прибытии.

— Добро пожаловать, мистер Джемс! — вскричал он, и голос его громко отдался под сланцевыми сводами. — Добро пожаловать! Если дом семейства Форд и погребен под землей на полторы тысячи футов, он от этого не менее гостеприимен.

— Как поживаете, добрый Симон? — спросил Джемс Старр, пожимая руку хозяину.

— Очень хорошо, мистер Старр, и как могло бы быть иначе здесь, где мы защищены от всякой непогоды? Ваши леди, ездящие летом дышать воздухом в Ньюхэвн и Порто-Белло, сделали бы лучше, проведя несколько месяцев в Эберфойлских копиях. Они бы не рисковали здесь схватить насморк, как на сырых улицах старой столицы.

— А Мэдж? — спросил инженер.

— Она еще здоровее меня, если это можно! — ответил Симон Форд. — И рада случаю вас угостить. Я думаю, она превзойдет себя, чтобы вас принять.

— Увидим, Симон, увидим!

Симон Форд и Гарри ввели Джемса Старра в большую комнату, освещенную несколькими лампами, из которых одна была подвешена к расписным потолочным балкам. Стол, накрытый ярко расшитой скатертью, ожидал гостей. Кругом стояло четыре обитых кожей стула.

— Здравствуйте, Мэдж! — произнес инженер.

— Здравствуйте, мистер Джемс, — ответила шотландка, вставая навстречу гостю.

— Я очень рад видеть вас, Мэдж.

— И я верю вам, мистер Джемс. Всегда приятно видеть тех, к кому вы были добры.

— Суп ждет, жена, — сказал Симон Форд, — и заставлять ждать нельзя ни его, ни мистера Джемса.

Подходя к столу, инженер обратился к хозяину:

— Минутку, Симон. Хотите ли вы, чтобы я ел с аппетитом?

— Это будет для нас величайшей честью, мистер Джемс, — ответил Симон Форд.

— Но для этого нужно спокойствие духа, а мне хочется задать вам два вопроса.

— Говорите, мистер Джемс.

— Вы писали, что сообщите мне что-то интересное.

— Действительно, крайне интересное.

— Для вас?

— Для вас и для меня, мистер Джемс. Но я расскажу вам все только после обеда и прямо на месте. Иначе вы мне не поверите.

— Симон, — проговорил инженер, — посмотрите на меня хорошенько... так... Интересное сообщение? Да?.. Хорошо, я не прошу у вас большего, — прибавил он, словно прочитав в глазах старого мастера ответ, на который надеялся.

— А второй вопрос? — осведомился мастер.

— Не знаете ли вы, Симон, кто мог написать вот это? — ответил инженер, показывая полученное им анонимное письмо.

Симон Форд взял письмо, очень внимательно прочел его, потом показал сыну.

— Ты знаешь этот почерк? — спросил он.

— Нет, отец, — ответил Гарри.

— И на этом письме был штемпель Эберфойлской почтовой конторы? — спросил Симон Форд у инженера.

— Да, как и на вашем, — ответил тот.

— Что ты думаешь об этом, Гарри? — спросил Симон Форд с тревогой.

— Я думаю, отец, — ответил Гарри, — что кто-нибудь хотел помешать мистеру Старру явиться на назначенное свидание.

— Но кто? — вскричал старый горняк. — Кто мог угадать мои мысли?

Симон Форд впал в глубокую задумчивость, из которой его вскоре вывел голос Мэдж.

— Мистер Старр, — сказала она, — суп остывает. Давайте пока не думать об этом письме.

По приглашению старушки все уселись за стол: Джеймс Старр — напротив Мэдж, чтобы оказать ей честь, а отец и сын — друг против друга.

Это был добрый шотландский обед. Он начался мясным наваристым супом. Затем следовало рагу из курицы со сливами, заслуживавшее всяческих похвал. Все это запивалось прекрасным элем из лучших подвалов Эдинбурга.

Но главным блюдом был национальный пудинг из мяса и ячменной муки. Это замечательное блюдо, которое внушило поэту Бернсу¹ одну из его лучших од, постигла та же судьба, что и все прекрасные вещи в мире: оно исчезло, как сон.

Мэдж получила от гостя сердечные похвалы.

Обед закончился десертом, состоявшим из сыра и сладкого печенья. Десерт сопровождался несколькими стаканчиками превосходной хлебной водки двадцатипятилетнего возраста, то есть ровесницы Гарри.

Пир продолжался добрый час: Симон Форд и Джеймс Старр не только плотно поели, но и вдоволь наговорились. главным образом о прошлом старых Эберфойлских копей. Гарри был молчалив. Дважды он вставал из-за стола и даже выходил из дома. Видно было, что его тревожил неожиданный случай с камнем и ему хотелось осмотреть окрестности коттеджа. Анонимное письмо тоже не могло не беспокоить его.

— Хороший у вас мальчик, друзья мои! — сказал инженер Симону Форду и Мэдж, когда Гарри вышел из комнаты.

— Да, мистер Джеймс, Гарри — доброе и преданное создание, — с живостью ответил старый мастер.

— Ему нравится здесь, в коттедже?

— Он ни за что не покинет нас.

— Однако вам придется женить его.

— Женить Гарри? — вскричал Симон Форд. — На ком? На девушке сверху, которая любит праздники, танцы и будет предпочитать свой клан нашей шахте? Гарри не захочет этого!

— Симон, — возразила Мэдж, — ведь ты не потребуешь, чтобы наш Гарри никогда не женился?

---

¹ Роберт Бернс — шотландский поэт, автор многих баллад и песен, весьма популярных в Шотландии и Англии.

— Я не буду требовать ничего, — ответил старый горняк. — Но это не к спеху. Кто знает, не найдем ли мы когда-нибудь...

В этот момент возвратился Гарри, и Симон Форд умолк.

Когда Мэдж встала из-за стола, все сделали то же и вышли посидеть у дверей коттеджа.

— Ну, Симон, — сказал инженер, — я вас слушаю.

— Мистер Джемс, — ответил Симон Форд, — мне не уши ваши нужны, а ноги. Хорошо ли вы отдохнули?

— Хорошо отдохнул и подкрепился, Симон. Я готов сопровождать вас куда вам угодно.

— Гарри, — сказал Симон Форд, оборачиваясь к сыну, — зажги наши безопасные лампы.

— Вы берете безопасные лампы? — воскликнул удивленный Джемс Старр.

В шахте, совершенно лишенной угля, нечего было бояться взрывов рудничного газа.

— Да, мистер Джемс, из осторожности.

— Не собираетесь ли вы, дорогой Симон, предложить мне одеться в костюм углекопа?

— Нет еще, мистер Джемс! Нет еще! — отвечал старый мастер, глаза которого странно блестили.

ГЛАВА VI

Несколько необъяснимых явлений

Известно, что такое суеверия в горных и низменных сблациях Шотландии. Если нагорья населены добрыми или злыми сверхъестественными существами, то насколько больше должны быть населены ими глубины мрачных копей! Кто в грозные ночи заставляет пласты содрогаться, кто наводит на след еще нетронутой жилы, кто поджигает рудничный газ и производит страшные взрывы, если не дух рудника?

По крайней мере, таково было общепринятое мнение суеверных шотландцев. Действительно, большинство горняков охотно видят в чисто физических явлениях нечто фантастическое, и разубеждать их было бы напрасной тратой времени. Где легче развиться суеверию, как не в глубине этих подземелий?

А люди Эберфойла, живя в стране легенд, естественно должны были интересоваться сверхъестественным. Поэтому здесь не было конца легендам. Только два человека,

более образованные и положительные, всегда противились этому общему увлечению, не допуская вмешательства гномов, духов или фей в человеческую жизнь. Это были Симон Форд и его сын. Они доказали свою стойкость, поселившись в мрачном подземелье после прекращения работ на шахте Дочерт. Может быть, добрая Мэдж и имела некоторую склонность к сверхъестественному, как всякая шотландка с нагорий. Но ей приходилось рассказывать истории о привидениях себе самой, что она, впрочем, и делала, чтобы поддержать старые традиции.

Будь даже Симон Форд и Гарри так же суеверны, как и их товарищи, они и тогда не отдали бы шахту ни духам, ни феям. Надежда открыть новый пласт заставила бы их пренебречь целой армией привидений. Не будучи суеверными, они глубоко верили в то, что угольные залежи Эберфойла не истощены окончательно.

Поэтому в течение уже десяти лет, не пропуская ни одного дня, упрямые и непреклонные, как их уверенность, отец и сын брали кайло, шест и лампочку, бродили по шахте, ища, пробуя породу, прислушиваясь к ее звучанию.

Одновременно эти страстные хранители шахты наблюдали за ее сохранностью. Они испытывали прочность закладки и сводов, проверяли, не грозит ли где-нибудь обвал и не нужно ли замуровать какую-нибудь часть шахты, следили за просачиванием поверхностных вод, собирали их, отводили в отстойники. Словом, они стали добровольными защитниками и хранителями этого бесплодного царства, откуда вышло столько богатств, ныне развеявшихся дымом.

Во время этих обходов Гарри иногда замечал явления, которые тщетно старался себе уяснить.

Так, не раз, идя по узкой галлерее, он слышал звуки, похожие на стук кайла, врубающегося в стенку с закладкой.

Гарри, не пугавшийся ни естественного, ни сверхъестественного, ускорял шаги, чтобы узнать причину этих таинственных звуков, но проход был пуст. Освещая стены лампой, молодой горняк не обнаруживал никаких свежих следов кайла или лома и спрашивал себя, не было ли это слуховой иллюзией, или странным, причудливым эхо.

Иногда, внезапно освещая какую-нибудь подозрительную впадину, Гарри словно видел чью-то проскользнувшую тень. Он кидался за ней и не находил ничего, хотя ника-

кого выхода, позволявшего скрыться человеческому существу, здесь не было.

Дважды за последний месяц Гарри, навещая западную часть шахты, явственно слышал отдаленные взрывы, точно где-то рвался динамитный патрон.

— Это странно! — повторял Гарри. — Присутствие неизвестного существа в шахте кажется невозможным, но сомневаться в этом нельзя. Неужели еще кто-нибудь, кроме нас, хочет искать пригодные к разработке пласты? Или, вернее, хочет уничтожить то, что осталось от Эберфойльских копей? Но с какой целью? Я узнаю это, пусть даже ценою жизни!

Гарри ждал случая, чтобы раскрыть тайну. Он замечал иногда вдаль, там и сям, светлые вспышки, перелетавшие с места на место, как блуждающие огни; но они были не длительнее молнии, и ему пришлось отказаться от выяснения их природы.

Если бы Джек Райан и другие суеверные люди видели эти фантастические огни, они, конечно, начали бы кричать о сверхъестественном. Но Гарри даже не думал об этом, так же как и старый Симон. И когда они беседовали об этих явлениях, вызванных, очевидно, чисто физическими причинами, то старый горняк говорил:

— Подождем, мой мальчик. Все это объяснится когда-нибудь.

ГЛАВА VII

Опыт Симона Форда

На старых деревянных часах в зале пробило полдень, когда Джемс Старр и два его спутника вышли из котеджа.

Свет, проникавший через вентиляционный ствол, слабо озарял площадку. Тут лампочка Гарри казалась бесполезной, но вскоре должна была понадобиться, так как старый мастер хотел вести инженера в самый дальний конец шахты Дочерт.

Пройдя мили две по главному штреку, три разведчика — мы увидим, что это была именно разведка — подошли ко входу в узкий тоннель. Свод его опирался на деревянные крепления, обросшие беловатым мхом. Тоннель имел приблизительно то же направление, что течение реки Форс в полутора тысячах футов вверх.

Гарри шел впереди, освещая дорогу. Иногда, внезапно направляя свет в сумрачные углубления, он старался уловить подозрительную тень.

— Далеко нам идти, старина Симон? — спросил инженер.

— Еще с полмили, мистер Джемс. Раньше мы сделали бы этот путь в вагонетке, по рельсам... Как далеки эти времена!

— Значит, мы направляемся к концу последнего пласта?

— Да. Я вижу, вы еще хорошо помните шахту.

— Э, Симон, — произнес инженер, — если я не ошибаюсь, было бы трудно идти дальше.

— Действительно, мистер Джемс. Там мы отбили последний кусок угля. Я сам нанес этот последний удар, и он отдался у меня в груди еще сильнее, чем в пластах! Вокруг нас были только сланец да песчаник, и когда вагонетка пошла к подъемному стволу, мне показалось, что я иду за гробом бедняка! Слово вся жизнь шахты ушла вместе с этой последней вагонеткой.

Серьезность, с которой старый мастер произнес эти слова, взволновала инженера, очень близкого к тому, чтобы разделять это чувство. Его испытывает моряк, покидающий свое тонущее судно, и фермер, видящий, как разрушают дом его предков.

Джемс Старр пожал руку Симону Форду. Тот, в свою очередь, сильно сжал руку инженера.

— В тот день мы все ошиблись, — сказал он. — Нет, старая шахта не умерла! Шахтеры покидали не труп, и я смею утверждать, мистер Джемс, что сердце шахты еще бьется.

— Говорите же, Симон! Вы открыли новую залежь? — вскричал инженер.

— Так слушайте, мистер Джемс, — произнес Симон Форд. — Я нашел не залежь...

— А что же?

— Только доказательство того, что эта залежь существует.

— И это доказательство?..

— Можете ли вы допустить, чтобы из недр земли выделялся рудничный газ, если там нет угля, из которого он получается?

— Нет, конечно! — ответил инженер. — Без угля нет и газа. Нет следствия без причины...

— Как нет дыма без огня.

— И вы обнаружили присутствие метана?

— Старый горняк не может ошибаться, — ответил Симон Форд. — Я сразу узнал нашего старого врага, рудничный газ!

— Но если это какой-нибудь другой газ? — сказал Джемс Старр. — Метан почти лишен запаха, он бесцветен. Он по-настоящему выдает свое присутствие только взрывом.

— Мистер Джемс, за эти десять лет не было дня, когда мы с Гарри не думали бы о том, чтобы вернуть копиям их прежний расцвет, ни одного дня! Мы решили во что бы то ни стало обнаружить залежь, если она существует. Но каким способом? Бурение применить мы не могли, но у нас было шахтерское чутье, а чутье часто вернее разума. По крайней мере, я так думаю...

— И я вам не противоречу, — заметил инженер.

— Так вот что раза два видел Гарри, бродя по западной части шахты: сквозь сланец или закладку крайних штреков мелькали иногда и потом внезапно гасли огни. Отчего они зажигались, я не понимал и до сих пор не понимаю. Но ясно, что эти огни доказывают присутствие рудничного газа, а для меня этот газ означает пласт угля.

— Эти огни не давали взрывов? — спросил инженер.

— Да, мелкие, частичные взрывы, — отвечал Симон Форд. — Такие же, какие вызывал я сам, когда хотел убедиться в наличии рудничного газа. Вы помните, как старались предотвращать взрывы в шахтах, пока наш добрый гений Гемфри Дэви¹ не изобрел еще своей безопасной лампы?

— Да, — ответил Джемс Старр. — Вы говорите о «кающемся». Но я никогда не видел его за работой.

— Да, мистер Джемс, вы еще слишком молоды, не смотря на ваши годы, и не могли этого увидеть. Но я на десять лет старше вас, и я видел, как работал последний «кающийся» в копиях. Его называли так потому, что он носил рясу, как монах. Его настоящее прозвище было «Человек огня». В то время уничтожать вредный газ умели, только разлагая его мелкими взрывами раньше, чем он накопится в большом количестве в верхних частях штреков. Вот почему «кающийся», с маской на лице, с капюшоном

---

¹ Гемфри Дэви — знаменитый английский химик и физик, открывший элементы калий и натрий, изобретатель безопасной рудничной лампы.

на голове, закутанный в свою «рясу», передвигался ползком. Он дышал в нижних слоях, где воздух чист, а правой рукой водил у себя над головой горящим факелом. Если в воздухе было столько газа, чтобы могла образоваться взрывчатая смесь, то взрыв получался неопасный, и, повторяя эту операцию несколько раз, можно было предотвратить катастрофу. Иногда «кающийся», пораженный сильным взрывом газа, умирал на месте, и его заменял другой. Так было до тех пор, пока во всех шахтах не ввели лампу Дэви. Но я знал этот способ. Именно с его помощью я и открыл наличие газа и, следовательно, наличие новой угольной залежи в шахте Дочерт.

Все, что рассказывал старый мастер о «кающемся», было совершенно верно. Именно так поступали когда-то в шахтах, чтобы очищать воздух от метана.

Рудничный газ, иначе называемый болотным газом или метаном, бесцветен, почти без запаха, слабо светится при горении и абсолютно непригоден для дыхания. Шахтеры не могут жить в атмосфере, насыщенной этим вредным газом, как нельзя жить в газометре, наполненном светильным газом. Кроме того, рудничный газ, являющийся, как и светильный, окисью углерода, образует с воздухом взрывчатую смесь, как только количество газа достигнет восьми или хотя бы пяти процентов. Если по какой-либо причине эта смесь воспламеняется, то происходит взрыв, почти всегда сопровождающийся страшными катастрофами.

Эту-то опасность и предотвращает лампа Дэви, изолирующая пламя трубкой из металлической сетки. Газ горит только внутри трубки, не давая горению распространиться. Эта безопасная лампа усовершенствовалась десятки раз. Разбиваясь, она гаснет. Если шахтер, несмотря на строгий запрет, откроет ее, она тоже гаснет. Почему же случаются взрывы? Потому, что нельзя избежать ни неосторожности рабочего, который хочет во что бы то ни стало закурить, ни удара инструмента, могущего вызвать искру.

Не все шахты богаты рудничным газом. Там, где его нет, разрешается пользоваться обычными лампами. Такова, между прочим, шахта Тьер в копиях Анзэн. Но если уголь разрабатываемого месторождения жирен, то в нем содержится некоторое количество летучих веществ, и газ может выделяться в изобилии. Безопасная лампа Дэви устроена так, чтобы не давать взрывов, тем более ужасных, что шахтеры, не пострадавшие непосредственно, рискуют

задохнуться, когда штреки наполняются газообразным продуктом взрыва — углекислотой.

В пути Симон Форд рассказал инженеру, что он сделал для достижения своей цели; как он убедился в том, что в глубине крайнего штрека западной части шахты выделяется газ; как ему удалось вызвать в щелях между слоями сланца частичные взрывы — вернее, воспламенения, не позволяющие сомневаться в природе газа, выделяющегося понемногу, но постоянно.

Через час после выхода из коттеджа Симон Форд со своими спутниками прошли расстояние в четыре мили, и тут Гарри, шедший впереди, остановился.

— Мы пришли! — воскликнул старый горняк. — Слава богу, мистер Джемс, наконец вы здесь, и мы сейчас узнаем...

Голос старого мастера, всегда такой твердый, слегка дрожал.

— Мой честный Симон, — сказал ему инженер, — успокойтесь. Я волнуюсь так же, как и вы, но не надо терять времени.

В этом месте крайний штрек шахты, расширяясь, образовал род темной пещеры. Здесь не было стволов, и штрек, глубоко ушедший в недра земли, не имел прямого сообщения с поверхностью. Тут, среди сланцев и песчаников третичного периода, оканчивался слой угля и был вынут последний кусок его.

— Вот здесь, мистер Джемс, — сказал Симон Форд, поднимая свое кайло, — здесь мы ударим в пустую породу, ибо позади этой стенки, на большей или меньшей глубине, наверняка находится тот угольный пласт, о котором я говорил.

— И на поверхности этой стены, — спросил Джемс Старр, — вы обнаружили рудничный газ?

— Именно, — ответил Симон Форд. — И я мог поджечь его, просто приблизив свою лампу к срезу слоев. Гарри делал то же, что и я.

— На какой высоте?

— В десяти футах от пола, — ответил Гарри.

Джемс Старр сел на камень. Казалось, подышав воздухом пещеры, он стал смотреть на обоих шахтеров так, словно начинал сомневаться в их словах, хоть и звучащих убедительно.

Дело в том, что метан не совсем лишен запаха, и инженер прежде всего был удивлен тем, что его обоняние

не обнаруживает присутствия взрывчатого газа. Во всяком случае, если газ и примешивался к окружающему воздуху, то в очень слабой дозе. Следовательно, можно было, не опасаясь взрыва, открыть безопасную лампу, чтобы решиться на опыт. Старый горняк так и сделал.

В этот момент Джеймс Старр беспокоился не о том, что в воздухе слишком много газа, а о том, что его недостаточно или нет совсем.

Очевидно, Гарри, так же как инженер, заметил отсутствие характерного запаха рудничного газа, потому что голос его изменился, когда он сказал:

— Отец, кажется газ не проникает больше сквозь слои сланца!

— Не проникает! — вскричал старый горняк.

Плотно сжав губы, он несколько раз с силой потянул воздух носом, потом резко сказал:

— Лампу, Гарри!

Симон Форд дрожащей рукой взял лампу. Он отвинтил металлическую сетчатую трубку, окружавшую фитиль, и пламя стало гореть в открытом воздухе. Как они и ожидали, взрыва не произошло, но, что было важнее, не было даже легкого потрескивания, которое говорит о наличии небольшого количества газа.

Симон Форд взял у Гарри шест и, прикрепив лампу к его концу, поднял вверх, где в силу своей легкости должен был скопиться газ, как бы мало его ни было. Пламя лампы, ровное и белое, не обнаруживало никаких следов метана.

— К стенке, — сказал инженер.

Симон Форд поднял лампу к той части стенки, где они с Гарри еще вчера наблюдали просачивание газа. Рука старого мастера дрожала, когда он пытался провести лампой на уровне трещины в слое сланца.

— Заменяй меня, Гарри, — сказал он.

Гарри взял шест и поочередно поднес лампу к различным местам стенки, где слои словно разделялись; но он качал головой, не слыша потрескивания, характерного для выходящего рудничного газа.

Воспламенения не было. Очевидно, ни одна молекула¹ газа не выходила из трещин в стенке.

— Ничего нет! — вскричал Симон Форд, кулаки кото-

---

¹ Молекула — мельчайшая частица вещества, сохраняющая его химические свойства.

рого сжались под влиянием скорее гнева, чем разочарования.

Из уст Гарри вырвался крик.

— Что с тобой? — живо спросил Джемс Старр.

— Трещины в сланце замазаны!

— Неужели? — воскликнул старый горняк.

— Смотрите!

Гарри не ошибся: замазанные трещины были ясно видны при свете лампы. Свежая известковая шпаклевка оставила на стене длинную беловатую полосу, плохо скрытую под слоем угольной пыли.

— Он! — воскликнул Гарри. — Это может быть только он!

— Он? — повторил Джемс Старр.

— Да, — отвечал молодой человек, — то таинственное существо, которое бродит в нашей шахте, кого я сто раз подстерегал и ни разу не мог поймать! Это безусловно автор письма, которое должно было помешать вам, мистер Старр, приехать на свидание, назначенное отцом. Это тот, кто сбросил на нас камень в штреке ствола Ярроу. Ах, сомнений больше не может быть! Во всем этом видна человеческая рука.

Гарри говорил так горячо, что его уверенность мгновенно передалась инженеру. Что касается старого мастера, то его убеждать было не нужно. Ведь налицо был неоспоримый факт: замазанные щели, из которых только накануне газ выходил свободно.

— Бери кайло, Гарри! — вскричал Симон Форд. — Встань мне на плечи, мальчик! Я еще достаточно крепок, чтобы выдержать тебя.

Гарри понял. Его отец встал вплотную к стене, Гарри взобрался ему на плечи, чтобы достать кайлом до заметного следа шпаклевки. Несколькими ударами он отбил часть слоя. Тотчас же раздалось легкое потрескивание, похожее на то, которое слышится, когда лопаются пузырьки шампанского.

Гарри схватил лампу и приблизил ее к трещине. Раздался слабый взрыв, и по стенке запорхало небольшое красное, синеватое по краям пламя.

Гарри тотчас же прыгнул на землю, а старый мастер, не в силах сдержать своей радости, схватил инженера за руку:

— Ура! Ура! Ура, мистер Джемс! Газ горит! Значит, уголь есть.

ГЛАВА VIII
Взрыв динамита

— Ну, мистер Джемс, — спрашивал Симон Форд, — что вы думаете о нашем открытии? Был ли я прав, что побеспокоил вас? Сожалеете ли вы о том, что посетили шахту Дочерт?

— Нет, нет, старый товарищ, — ответил Джемс Старр, — мы не потеряли времени, но можем потерять его сейчас, если не вернемся немедленно в коттедж. Мы придем сюда завтра. Мы взорвем динамитом эту стенку. Мы вскроем выход нового пласта, и после ряда бурений, если пласт окажется значительным, я организую Общество Нового Эберфойла.

— Хорошо сказано, мистер Джемс! — воскликнул Симон Форд. — Значит, старые копи помолодеют, как вдова, снова выходящая замуж. Опять с ударами лопаты и кайла, с рокотом вагонеток, ржаньем лошадей, скрипом колес, грохотом машин к шахте вернется прежняя жизнь, и я опять увижу все это! Надеюсь, мистер Джемс, вы не сочтете меня слишком старым для того, чтобы снова принять обязанности мастера?

— Нет, Симон, конечно нет! Вы моложе меня, старый друг.

— И да хранит нас святой Мунго! А вы опять будете нашим директором! Пусть новая разработка длится долгие годы, и дай мне бог умереть, не увидев ее конца!

Радость старого мастера была через край, и Джемс Старр целиком разделял ее, но предоставлял Симону Форду восторгаться за двоих. Только Гарри оставался задумчивым. В памяти его проходил ряд странных, необъяснимых случаев, которыми сопровождалось открытие новой залежи. Это не переставало тревожить его.

Через час Джемс Старр и его спутники вернулись в коттедж.

Инженер ужинал с большим аппетитом, одобряя жемствами все планы старого мастера, и, не желая он так страстно, чтобы этот день был уже завтрашним, он нигде не мог бы спать лучше, чем в абсолютной тишине этого коттеджа.

На следующий день после плотного завтрака Джемс Старр, Симон Форд, Гарри и даже Мэдж собрались в путь. Как настоящие шахтеры они несли различные инструменты и динамитные патроны, предназначенные для взрыва. Гарри, кроме сильного фонаря, взял еще большую безопас-

ную лампу, могущую гореть двенадцать часов. Это было больше чем нужно для дороги туда и обратно, включая и остановки, необходимые для разведок, если разведки окажутся возможными.

— За работу! — вскричал Симон, дойдя со своими спутниками до конца штрека, и, схватив тяжелый лом, с силой взмахнул им.

— Минутку, — возразил Джемс Старр. — Посмотрим, не случилось ли каких-нибудь перемен и просачивается ли рудничный газ сквозь трещины в стенке.

— Вы правы, мистер Старр, — ответил Гарри. — То, что было замазано вчера, вполне может быть замазано и сегодня.

Мэдж, сидя на камне, внимательно оглядывала пещеру и стену, которую нужно было пробить.

Все оказалось таким же, как было. Трещины в сланце нисколько не изменились. Метан сочился сквозь них, но довольно слабо. Это объяснялось несомненно тем, что со вчерашнего дня у газа был свободный выход. Выделение газа было так незначительно, что он не мог, соединившись с воздухом, образовать взрывчатую смесь. Поэтому Джемс Старр со своими товарищами могли работать в полной безопасности.

— Итак, за работу! — повторил Симон, и вскоре под мощными ударами его кайла начали разлетаться осколки породы.

Слой состоял из кварцевого конгломерата¹, перемежавшегося песчаниками и сланцем, как это чаще всего встречается у выхода угольных пластов. Джемс Старр подбирал отбитые кайлом осколки и внимательно осматривал, надеясь обнаружить в них следы угля.

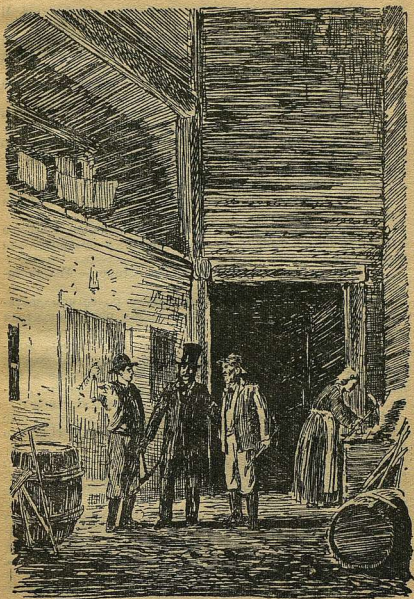
Этот первый этап работы продолжался около часа. В стене образовалось довольно большое углубление.

Джемс Старр выбрал место для бурения. Гарри быстро пробил отверстие с помощью бура и небольшого молота. Туда были заложены динамитные патроны; к ним прикрепили длинный просмоленный фитиль безопасного запала, оканчивающийся пироксилиновым капсюлем, и сейчас же подожгли его у самого пола. Джемс Старр и его товарищи отошли в сторону.

— Ах, мистер Джемс, — говорил Симон Форд, охваченный волнением, которое не старался скрыть, — никогда,

¹ Конгломерат — здесь порода, состоящая из отдельных кусков кварца, связанных глиноземом.

На следующий день Джемс Старр, Симон Форд, Гарри и даже Мэдж собрались в путь.

нет, никогда мое старое сердце не билось так быстро! Я хотел бы уже приняться за пласт!

Динамит взорвался. В подземных галереях прокатился глухой рокот. Джемс Старр, Мэдж, Гарри и Симон Форд тотчас же вернулись к стене пещеры.

— Мистер Джемс, мистер Джемс! — закричал старый мастер. — Смотрите, дверь взломана!

Образовавшееся в стене отверстие, глубины которого нельзя было определить, вполне оправдывало это сравнение. Гарри готов был кинуться в пробитую брешь, но инженер, хотя и крайне удивленный появлением этой пустоты, удержал его.

— Дай время воздуху внутри очиститься, — сказал он.

— Да, берегись вредных газов, — подтвердил Симон Форд.

Четверть часа прошло в тревожном ожидании. Потом в отверстие ввели фонарь на конце шеста, и он продолжал гореть так же ярко.

— Иди, Гарри, — произнес Джемс Старр. — Мы за тобою.

Пробитое динамитом отверстие было более чем достаточным для человека. Гарри с фонарем в руке вошел туда без колебаний и исчез во мраке.

Джемс Старр, Симон Форд и Мэдж, не двигаясь, ждали его. Прошла минута, показавшаяся им очень долгой. Гарри не появлялся и не подавал голоса. Подойдя к отверстию, Джемс Старр не увидел даже огонька его лампы, которая должна была освещать эту темную пещеру.

Не ушла ли внезапно почва из-под ног у Гарри? Не упал ли молодой горняк в какую-нибудь яму? Или его голос не долетал до спутников?

Старый мастер, не слушая ничего, хотел уже, в свою очередь, пройти в отверстие, когда показался свет, сначала слабый, затем усилившийся, и послышался голос Гарри:

— Идите, мистер Старр! Идите, отец! Путь в Новый Эберфойл свободен!

ГЛАВА IX

Новый Эберфойл

Если бы с помощью какой-нибудь сверхчеловеческой силы инженерам удалось сразу поднять часть земной коры в тысячу футов толщины, на которой расположены все

реки, озера, заливы и береговые области графств Стерлинг, Дембертон и Ренфрю, то они нашли бы под этой огромной крышкой колоссальную пустоту.

Эта пустота состоит из сотен ячеек всевозможных форм и размеров и похожа на причудливо расположенный улей, построенный по огромному масштабу и могущий приютить вместо пчел всех ихтиозавров, мегатериев и птеродактилей древней эпохи.

Целый лабиринт ходов, то выше самых высоких соборных сводов, то узких и извилистых, то идущих горизонтально, то поднимающихся и опускающихся наклонно по всем направлениям, соединял эти ячейки и создавал свободное сообщение между ними. Своды, столбы, поддерживающие их, толстые стены состояли из песчаника и сланцевых пород. Но между этими бесполезными прослойками, сильно сдавленные ими, шли превосходные угольные жилы, словно по их запутанной сети текла черная кровь этой странной залежи. Залежь простиралась на сорок миль с севера на юг, заходя даже под Северный канал. Мощность этого бассейна можно было бы рассчитать только путем разведок, но она должна была превышать мощность угленосных пластов Кардифа в Уэлсе и Ньюкэстля в графстве Нортумберленд.

Разработка этих залежей казалась легкой, так как, в силу причудливого расположения слоев вторичного периода, в силу необъяснимого сжатия минеральных веществ в эпоху затвердевания этого массива, сама природа прорыла множество ходов и тоннелей в Новом Эберфойле.

Да, сама природа! С первого взгляда могло показаться, что открыты какие-то древние, давно покинутые копи. Но это было не так. Таких богатств не покидают. Люди никогда еще не проникали в эту часть шотландской подпочвы, и все это было создано природой. Ни одно подземелье Египта, ни одни катакомбы римской эпохи нельзя было с этим сравнить — разве только знаменитую Мамонтову пещеру в Кентукки, которая на протяжении более двадцати миль насчитывает двести двадцать шесть коридоров, одиннадцать озер, семь рек, восемь водопадов, тридцать два бездонных колодца и пятьдесят семь сводов, причем некоторые из них достигают высоты свыше четырехсот пятидесяти футов.

Как и эта пещера, Новый Эберфойл был созданием не человеческих рук, а самой природы.

ГЛАВА X
Туда и обратно

Услыхав голос Гарри, Джемс Старр, Мэдж и Симон Форд прошли сквозь узкое отверстие, соединявшее шахту Дочерт с Новым Эберфойлом.

Они очутились в довольно широком проходе. Казалось, он был пробит рукой человека, проделан кайлом и лопатой для разработки новой залежи. Разведчики недоумевали, не попали ли они, по странной случайности, в какую-то старинную шахту, о существовании которой не было известно даже старейшим горнякам. Но нет! Геслогические пласты в эпоху, когда происходило нагромождение слоев вторичного периода, «пощадили» этот проход. Может быть, он служил когда-то руслом бурному потоку, но сейчас был так же сух, как если бы был прорыт несколькими тысячами метров ниже, в гранитоидных породах. В то же время воздух сюда проходил свободно — это значило, что проход соединяется какими-нибудь природными «вентиляционными ходами» с поверхностью земли.

Что касается рудничного газа, сочившегося сквозь сланцевую стену, то он содержался, повидимому, в каком-нибудь «кармане», то есть в углублении, сейчас опустевшем. Было очевидно, что в воздухе прохода нет и следов газа. Однако Гарри из осторожности взял с собой только безопасную лампу, обеспечивающую освещение на двенадцать часов.

Джемс Старр и его спутники испытывали невыразимую радость. Вокруг был только уголь. Это было совершенное исполнение их желаний. Волнение делало их молчаливыми; сдерживался даже Симон Форд, радость которого изливалась не в длинных фразах, а в коротких восклицаниях.

Проход был удобен, мало извилист. Ни одна трещина не преграждала пути, ни один «карман» не выделял вредных газов. Ничто не останавливало Джемса Старра и его товарищей.

Они шли в течение часа и наконец достигли конца этой широкой дороги. Проход оканчивался огромной пещерой, ни высоты, ни глубины которой нельзя было определить. На какой высоте закруглялся купол этой пещеры, на каком расстоянии находилась ее противоположная стена? Мрак мешал рассмотреть, но при свете лампы разведчики смогли установить, что в пещере находится огромное вместилище

стоячей воды — пруд или озеро, высокие скалистые берега которого терялись в темноте.

— Стоп! — закричал Симон Форд, резко останавливаясь. — Еще шаг, и мы, может быть, скатимся в пропасть!

— Так отдохнем, друзья мои, — предложил инженер. — Нужно подумать также и о возвращении.

— Наша лампа может гореть еще десять часов, — сказал Гарри.

— А все-таки остановимся, — повторил Джеймс Старр. — Признаюсь, мои ноги в этом нуждаются. А вы, Мэдж, не устали?

— Нет, не очень, мистер Джеймс, — ответила крепкая шотландка. — Мы привыкли целыми днями ходить по копам Эберфойла.

— Ба! — прибавил Симон Форд. — Мэдж пройдет в десять раз больше, если нужно! Но я опять спрошу вас, мистер Джеймс, заслуживало ли мое сообщение вашего внимания? Посмейте только сказать «нет», мистер Джеймс, посмейте!

— Э, старый товарищ, я давно уже не радовался так! — ответил инженер. — То небольшое, что мы уже разведали в этой чудесной залежи, указывает на значительную ее протяженность, по крайней мере в длину.

— И вширь и вглубь также, мистер Джеймс, — возразил Симон Форд.

— Это мы узнаем позже.

— А я за это отвечаю! Уж положитесь на чутье старого шахтера. Оно меня никогда не обманывало.

— Дай-то бог, — ответил Джеймс Старр. — Что касается качества угля...

— Великолепное, мистер Джеймс, великолепное! Да вот, посмотрите сами.

С этими словами Симон Форд отколол ударом кайла кусок от черной скалы.

— Смотрите, смотрите, — твердил он, поднося уголь к лампе. — Видите, какой он блестящий! У нас будет жирный, смолистый уголь. А как он отбивается кусками — почти без пыли!

— Верно, — сказала Мэдж, взяв осколок и разглядывая его с видом знатока, — этот уголь хороший. Возьми его, Симон, возьми в коттедж! Я хочу, чтобы этот первый кусок угля сгорел в нашей печи.

— Хорошо сказано, жена, — ответил старый мастер.

— Мистер Старр, — спросил Гарри, — что вы думаете

о направлении этого длинного прохода, по которому мы шли все время?

— Ничего, мой мальчик, — ответил инженер. — С компасом я, может быть, и определил бы его общее направление, но без компаса я здесь — как моряк в открытом море, в тумане, когда отсутствие солнца не позволяет определить положение.

— Конечно, мистер Джемс, но, пожалуйста, не сравнивайте наше положение с положением моряка, у которого под ногами бездна. Мы здесь на твердой земле, и нам бояться нечего, — возразил Симон Форд.

— Я далек от мысли оскорбить новую эберфойлскую залежь несправедливым сравнением, — ответил Джемс Старр. — Мне хотелось только сказать, что мы не знаем, где находимся.

— Под почвой графства Стирлинг, мистер Джемс, — сказал Симон Форд. — И я в этом уверен, как в...

— Слушайте! — прервал старого мастера Гарри.

Все прислушались, по примеру молодого горняка. Его изошренный слух уловил какой-то глухой, отдаленный гул. Вскоре его услышали и остальные. В верхних слоях массива слышались какие-то раскаты, и можно было ясно различить, как они то нарастали, то ослабевали.

Все четверо прислушивались несколько минут, не говоря ни слова. Потом Симон Форд воскликнул:

— Клянусь святым Мунго! Разве вагонетки уже бегают по рельсам в Новом Эберфойле?

— Отец, — ответил Гарри, — мне кажется, что это шум волн, разбивающихся о берег.

— Но ведь мы находимся не под морем, — возразил старый мастер.

— Нет, — ответил инженер, — но возможно, что над нами озеро Кэтрайн.

— Значит, свод не очень толст в этом месте, если шум воды так ясно слышен?

— Да, не очень, — ответил Джемс Старр. — Потому-то пещера так обширна.

— Должно быть, вы правы, мистер Старр, — произнес Гарри.

— Кроме того, наверху такой дождь, — продолжал Джемс Старр, — что уровень озера должен подняться, как в заливе Форса.

— Э, что за важность, в конце концов! — возразил Симон Форд. — Угольный пласт не станет хуже оттого, что

— Прекрасно! Проведем штреки под морскими волнами!

лежит под озером. Не в первый уже раз за углем отправляются под самое дно океана. Если нам придется разведать все недра и глубины под Северным каналом, что в этом плохого?

— Прекрасно! — воскликнул инженер, улыбаясь энтузиазму старого мастера. — Проведем штреки под морскими волнами! Обратим в решето ложе Атлантического океана и пройдем под ним навстречу нашим американским товарищам. Пробьем земной шар до самого центра, чтобы вырвать оттуда последний кусок угля!

— Вы смеетесь, мистер Джемс? — спросил Симон Форд.

— Я смеюсь, старина Симон? Нет! Но вы полны такого энтузиазма, что увлекаете к невозможному и меня. Вернемся к действительности, и без того прекрасной. Оставим здесь кайла и вернемся за ними в другой раз, а сейчас пойдемте обратно в коттедж.

На первой миле обратного пути не случилось ничего особенного. Гарри шел впереди, подняв лампу над головой. Он шел все время по главному проходу, не отклоняясь в узкие тоннели, расходящиеся вправо и влево. Казалось, что обратный путь будет таким же легким, как путешествие в новые копи, как вдруг неожиданный случай поставил разведчиков в очень затруднительное и опасное положение.

В тот момент, когда Гарри выше поднял свою лампу, воздух внезапно всколыхнулся, словно от взмаха невидимых крыльев, лампа выскользнула из рук Гарри, упала на каменистую почву и разбилась.

Джемс Старр со своими спутниками очутились в полной темноте. Керосин из лампы разлился, и она не могла больше служить.

— Ну, Гарри! — вскричал Симон Форд. — Ты хочешь, чтобы мы переломали себе шеи, возвращаясь в коттедж?

Положение разведчиков было незавидным. Им предстояло пройти в глубочайшем мраке еще миль пять по проходу, ведущему к шахте Дочерт, да оттуда было еще с час пути до коттеджа.

— Идемте, — сказал Симон Форд. — Нельзя терять ни секунды. Пойдем ощупью, как слепые. Заблудиться здесь невозможно. Тоннели, которые попадают на пути, узки, как кротовые норы, и по главному проходу мы непременно придем к отверстию, в которое вошли. А дальше идет уже старая шахта. Мы ее знаем, и нам с Гарри не в первый

раз бродить по ней в темноте. Впрочем, там мы найдем оставленные лампы. Итак, в путь!

Оставалось только подчиниться указаниям старого мастера. Как он сказал, сбиться с дороги, идя ощупью, было невозможно. Пришлось только заменить глаза руками и довериться тому инстинкту, который у Симона Форда и его сына стал второй натурой.

Вытянув руки, Гарри продвигался уверенным шагом. Он переходил от одной стены прохода к другой. Если его руки ощупывали пустоту, он понимал, что это боковой тоннель, и таким образом держался прямого пути.

Во тьме, где глаза были бесполезны, это трудное возвращение продолжалось около двух часов. Рассчитав прошедшее время и приняв во внимание, что движение не было быстрым, Джемс Старр полагал, что выход должен быть уже близко.

Действительно, вскоре Гарри остановился.

— Дошли мы наконец до конца прохода? — спросил Симон Форд.

— Да, — ответил молодой горняк.

— Ну, так ты должен найти отверстие, соединяющее Новый Эберфойл с шахтой Дочерт.

— Его нет! — ответил Гарри, руки которого встречали только сплошную стену.

Старый мастер шагнул вперед и начал сам ощупывать сланцевые слои.

У него вырвался крик.

Либо разведчики заблудились на обратном пути, либо узкое отверстие, пробитое в стене динамитом, было недавно заделано!

Во всяком случае, Джемс Старр со своими спутниками остались замурованными в Новом Эберфойле.

ГЛАВА XI

Огненные Женщины

Через неделю после этих событий друзья Джемса Старра начали сильно беспокоиться. Инженер исчез, и причину его исчезновения нельзя было объяснить ничем.

Из расспросов его слуги выяснилось, что он сел на пароход на пристани Грэнтон, а от капитана «Принца Уэльского» стало известно, что он высадился в Стирлинге. Но с этого момента следы Джемса Старра терялись. Си-

мон Форд в своем письме просил инженера сохранить тайну, и Джемс Старр не сказал никому, что едет в Эберфойл.

В Эдинбурге только и было речи, что о необъяснимом исчезновении инженера. Сэр Эльфистон, председатель Королевского института, сообщил своим коллегам о письме, которое прислал ему Джемс Старр, с извинением, что не сможет быть на очередном заседании. Двое или трое друзей инженера показали аналогичные письма. Но если эти документы и доказывали, что Джемс Старр уехал из Эдинбурга, — а это и без того было известно, — то они не объясняли, что с ним случилось.

Никто из его друзей не мог предположить, что он отправился на Эберфойлские копи. Все знали, что он вовсе не стремился снова увидеть место своей прежней деятельности. Он не был там с того самого дня, как на поверхность поднялась последняя вагонетка. Однако, поскольку пароход высадил его на пристани Стирлинг, розыски были направлены в эту сторону. Они ничего не дали.

Пришлось поместить в главнейших газетах Соединенного королевства заметку об инженере Джемсе Старре с описанием его примет и с датой его отъезда из Эдинбурга и ждать результатов. Это было сделано не без сильной тревоги. Ученый мир Англии был недалеко от того, чтобы поверить в окончательное исчезновение одного из своих выдающихся членов.

В то время как о Джемсе Старре так беспокоились, Гарри тоже был предметом не меньших тревог. Но сын старого горняка не занимал собой общественное мнение и смущал покой лишь своего друга Джека Райана.

Мы помним, что при встрече в стволе Ярроу Джек Райан просил Гарри быть на празднике Эрвайнского клана через неделю. Гарри согласился и твердо обещал прийти, а Джек не раз убеждался, что его друг всегда верен своему слову. И вот на эрвайнском празднике ни в чем не было недостатка: ни в песнях, ни в плясках, ни в развлечениях всякого рода, — не было только Гарри Форда.

Нужно сказать, что заметка о Джемсе Старре, помещенная в газетах, не попала еще на глаза Джеку Райану. Поэтому честный малый тревожился только об отсутствии Гарри и думал, что лишь важное обстоятельство могло помешать товарищу выполнить свое обещание. На следующий день после эрвайнского праздника Джек Райан собирался поехать поездом в Глазго, чтобы оттуда от-

правиться в Эберфойл, и он бы сделал это, если бы ему не помешало событие, чуть не стоившее ему жизни.

Вот что произошло в ночь на 12 декабря. Случай этот мог подтвердить правоту всех суеверных людей, которых было немало на ферме Мельроз.

Эрвайн, приморский городок графства Ренфрю, насчитывающий около семи тысяч жителей, расположен в крутом изгибе шотландского побережья, почти у входа в Клайдский залив. Его порт, довольно хорошо защищенный от ветров открытого моря, освещается ярким маяком, указывающим место для причала, так что осторожный моряк не может ошибиться. Потому-то в этой части побережья крушения судов очень редки.

Если у города есть историческое прошлое, если его замок принадлежал когда-то Роберту Стюарту¹, то у него непременно есть развалины. В Шотландии же во всех развалинах обитают духи — по крайней мере, таково общепринятое мнение в нагорьях и на равнинах. Самыми древними развалинами, пользовавшимися в этой части побережья самой дурной славой, были именно развалины замка Роберта Стюарта, носившие имя Дендональд-Кэстль.

В то время замок Дендональд — убежище всех бродячих гномов в стране — был совершенно заброшен. Мало кто посещал высокую скалу над морем, в двух милях от города, где возвышался замок. Иногда какой-нибудь приезжий желал осмотреть эти исторические останки, но ему приходилось идти туда одному: жители Эрвайна не соглашались никого провожать туда ни за какие деньги. Здесь ходило множество рассказов об «огненных женщинах», живущих в старом замке. Самые суеверные утверждали даже, что видели эти фантастические создания собственными глазами. Конечно, в их числе был и Джек Райан.

Итак, в вечер, обильно орошенный элем, бренди и виски², которым заканчивался праздник эрвайнского клана, Джек Райан не преминул вернуться к своей любимой теме, к великому удовольствию и, быть может, к великому страху слушателей.

Вечеринка происходила в обширном амбаре фермы Мельроз, недалеко от берега. Посредине в большом железном треножнике пылал кокс. Снаружи бушевала непо-

---

¹ Роберт Стюарт — первый шотландский король из рода Стюартов. Стюарты унаследовали шотландский, а в XVII веке и английский престолы.

² Эль — род пива: бренди, виски — спиртные напитки.

года. Густой туман катился над волнами, гонимыми к берегу сильным юго-западным ветром. Стояла черная ночь; в облаках не было ни одного просвета; земля, море и небо сливались в одно в глубокой тьме. В такую погоду плохо пришлось бы судну, отважившемуся войти в Эрвайнскую бухту.

Вечер заканчивался последним рассказом Джека Райана. Его слушатели перенесли в мир призраков, и обстановка была очень подходящей, чтобы верить в него.

Вдруг снаружи раздались крики. Джек Райан тотчас же прервал свой рассказ, и все выбежали из амбара. Тьма была непроглядная, лил дождь и бушевал порывистый ветер.

Двое или трое рыбаков, упираясь в скалу, чтобы удержаться на ногах, громко кричали, напрягая голос. Джек Райан со спутниками подбежал к ним.

В нескольких кабельтовых от берега смутно виднелась какая-то темная масса. Судя по сигнальным огням, это был корабль: на бизань-мачте у него был белый огонь, на правом борту — зеленый, на левом — красный. Очевидно, судно полным ходом приближалось к берегу.

— Гибнущий корабль! — вскричал Джек Райан.

— Да, — ответил один из рыбаков, — теперь он не смог бы повернуть, если бы и захотел.

— Сигналы! Сигналы! — закричал один из шотландцев.

— Какие? — возразил рыбак. — В такую бурю не удержать горящего факела.

Крики раздались снова. Но кто мог услышать их при бушующем ветре! Корабль уже не мог избежать гибели.

— Как можно так вести судно! — воскликнул один моряк.

— Разве капитан не знает об Эрвайнском маяке? — спросил Джек Райан.

— Вероятно, знает, — ответил один из рыбаков, — если только не обманут каким-нибудь...

Не успел рыбак договорить, как Джек Райан испустил страшный крик. Был ли он услышан экипажем? Едва ли, но, во всяком случае, слишком поздно для того, чтобы корабль смог отклониться от линии бурунов, белевшей во мраке.

Но этот крик не был, как могло показаться, последним, отчаянным предупреждением Джека гибнущим людям. В эту минуту Джек Райан стоял к морю спиной. Его

спутники тоже смотрели на что-то, находившееся в полумиле от них. Это был замок Дендональд. На вершине его старой башни извивался под порывами ветра длинный язык пламени.

— Огненная Женщина! — с ужасом закричали суеверные шотландцы.

Все объяснилось. Очевидно, корабль, затерявшись в тумане, сбился с пути и принял это пламя на вершине замка Дендональд за огонь Эрвайнского маяка. Капитан думал, что находится у входа в залив, расположенный в десяти милях к северу, и несясь прямо на сушу, где для него не было никакого убежища.

Что же сделать, чтобы спасти судно, если еще не поздно? Подняться на вершину башни и попытаться погасить этот огонь? Но какой шотландец осмелился бы бросить такое оскорбление Огненной Женщине? Да и поздно было: среди грохота стихий послышался ужасный треск.

Корабль сел кормой на мель. Огни его погасли. Беловатая линия бурунов, казалось, сломалась: корабль остановился на ней, лег на бок и разбился на рифах.

В тот же момент, по странному совпадению, длинное пламя исчезло, словно сорванное яростным порывом ветра. Море, небо, берег снова погрузились в глубочайший мрак.

— Огненная Женщина! — в последний раз вскричал Джек Райан, когда это непонятное явление внезапно исчезло.

Тут мужество, которое покинуло суеверных шотландцев перед мнимой опасностью, вернулось к ним перед лицом опасности реальной, когда нужно было спасать своих собратьев. Разнузданные стихии не пугали их. Обвязавшись веревками, они — столь же героические, сколь и лежковерные — кинулись на помощь потерпевшему крушению кораблю.

К счастью, им это удалось, хотя некоторые, в том числе и отважный Джек Райан, сильно разбились о камни. Но капитан корабля и восемь человек экипажа были доставлены на берег живыми и невредимыми.

Корабль оказался норвежским бригом «Мотала», шедшим с грузом леса в Глазго. Капитан, введенный в заблуждение огнем на башне замка Дендональд, направил судно прямо на берег, вместо того чтобы войти в Клайдский залив.

Теперь от «Мотала» не осталось ничего, кроме нескольких обломков, которые прибой разбивал о береговые скалы.

ГЛАВА XII

Подвиги Джека Райана

Джека Райана и трех его, тоже раненных, товарищей перенесли на ферму Мельроз, где им немедленно была оказана помощь.

Джеку досталось больше всех, так как в тот момент, когда он, обвязавшись веревкой, кинулся в море, яростные волны швырнули его на риф. Еще несколько мгновений, и товарищи вытащили бы на берег его безжизненное тело.

Храбрый юноша был принужден четыре дня пролежать в постели, что его страшно бесило. Однако, когда ему позволили петь, сколько ему угодно, он стал относиться к своей беде более терпеливо, и ферма Мельроз постоянно звенела от веселых переливов его голоса. Но после этого приключения он стал еще больше бояться духов и гномов, погубивших, по его мнению, бриг «Мотала», причем стараться найти и покарать их было совершенно безнадежно.

Судебный чиновник, которому поручили расследование крушения, явился, чтобы расспросить свидетелей катастрофы. Все стояли на том, что крушение было вызвано сверхъестественным появлением Огненной Женщины в развалинах замка Дендональд.

Разумеется, правосудие не могло удовлетвориться такими объяснениями. Ясно, что появление огня было явлением чисто физическим. Но было ли это случайностью, или злым умыслом? Вот что нужно было выяснить следователю.

Пусть слова «злой умысел» не удивляют читателя. Не нужно углубляться в историю, чтобы найти им подтверждение. Многие грабители судов на бретонском побережье заманивали корабли к берегу, чтобы разделить между собою добычу после крушения. То группа смолистых деревьев, зажженных ночью, заводила корабль в места, из которых он не мог выйти; то факел, привязанный к рогам быка и движущийся по прихоти животного, обманывал экипаж относительно пути, которым нужно следовать. Результатом этих действий было неизбежное крушение; им грабители и пользовались. Потребовалось вмешательство правосудия, чтобы уничтожить это варварское обыкнове-

ние. Могло случиться, что и в данном случае преступная рука воскресила старые традиции береговых грабителей.

Так думали полицейские агенты, несмотря на все убеждения Джека Райана. Узнав о расследовании, товарищи Джека разделились на два лагеря: одни только пожимали плечами, другие, более робкие, заявляли, что такой вызов, брошенный сверхъестественным существам, наверняка приведет к новым катастрофам.

Расследование кончилось ничем, полиция осталась при своих хлопотах, а ко множеству местных легенд прибавилась еще одна, которая должна была увековечить гибель «Мотала» и неоспоримо доказать существование Огненных Женщин.

Тем временем Джек Райан поправился. Едва встав на ноги, он решил, прежде чем взяться за работу на ферме, навестить своего друга Гарри и узнать, почему он не смог быть на эрвайнском празднике.

Итак, через два дня после крушения Джек Райан бодро двинулся в путь. Крепкий парень уже совершенно не чувствовал своих ран. Он разбудил веселой песней эхоскалистого берега, отправляясь на станцию железной дороги, идущей через Глазго в Стирлинг и Коллендер. Там, пока он ожидал поезда, внимание его привлекли афиши, расклеенные по стенам и содержащие следующее объявление:

«4 декабря инженер Джеймс Старр из Эдинбурга сел на пристани Грэнтон на пароход «Принц Уэльский» и в тот же день высадился в Стирлинге. С тех пор о нем ничего неизвестно.

Все сведения, касающиеся его, просят адресовать председателю Королевского института в Эдинбурге».

Джек Райан, остановившись перед этой афишей, прочел ее дважды с крайним изумлением.

— Мистер Старр? — вскричал он. — Но как раз четвертого декабря я встретил его с Гарри на лестницах в стволе Ярроу! И с тех пор он не появлялся больше... Не этим ли объясняется и то, что Гарри не пришел на эрвайнский праздник?

И, не тратя времени на письменное сообщение председателю Королевского института о том, что он знал о Джеймсе Старре, честный малый прыгнул в поезд с твердым решением отправиться прежде всего к стволу Ярроу. Там он, если нужно, спустится до самого дна шахты До-

черт, чтобы найти Гарри, а с ним и инженера Джемса Старра.

Через три часа он вышел из поезда на станции Коллендер и быстро направился к стволу Ярроу. Войдя под разрушенный навес, прикрывающий устье ствола, Джек заглянул в эту пропасть... но ничего не увидел. Он прислушался... и ничего не услышал.

— А моя лампа! — воскликнул он. — Разве она не на обычном месте?

Лампа, которой пользовался Джек Райан во время посещения шахты, стояла обычно в углу, на площадке верхней лестницы.

Сейчас лампы не было.

— Вот и первое осложнение, — сказал Джек, начиная сильно беспокоиться.

Потом, не задумываясь, несмотря на свое суеверие, он воскликнул:

— Я пойду, будь там темнее, чем в аду!

И он стал спускаться по длинному ряду лестниц, погружавшихся в бездонный колодец.

Джек Райан должен был хорошо помнить свои прежние шахтерские привычки и знать шахту Дочерт, чтобы решиться на это.

Впрочем, он спускался очень осторожно. Ноги его ощупывали каждую изъеденную червями ступеньку. Всякий неверный шаг означал гибельное падение в эту пустоту глубиной в полторы тысячи футов. Джек считал каждую пройденную площадку, разделяющую лестницы. Он знал, что ступит на дно шахты только после тридцатой.

Так достиг он двадцать шестой площадки. От дна шахты его отделяли только двести футов. Он опустил ногу, чтобы нащупать первую ступеньку двадцать седьмой лестницы. Но его нога повисла в пустоте, не встретив никакой опоры.

Он опустился на колени, чтобы найти рукой конец лестницы... Напрасно.

Было ясно, что двадцать седьмой лестницы на месте нет. Следовательно, она была снята.

Джек Райан стоял скрестив руки, стараясь разглядеть что-нибудь в этой непроницаемой тьме. Потом ему пришло в голову, что если он не может спуститься, то, значит, обитатели шахты не могут подняться. Действительно, между почвой графства и глубинами шахты не было больше никакого сообщения. И если нижние лестницы ствола Яр-

роу были сняты после его последнего посещения, то что случилось со старым Симоном Фордом, с его женой, сыном и с инженером? Длительное отсутствие Джемса Старра доказывало, что он не покидал шахты с того дня, когда Джек Райан встретил его в стволе Ярроу. Как же существовали с тех пор обитатели коттеджа? Хватило ли этим несчастным, запертым под землей на глубине полутора тысяч футов, съестных припасов?

Джек Райан наклонился с площадки.

— Гарри! Гарри! — кричал он своим могучим голосом.

Эхо повторило несколько раз имя Гарри и замерло в глубинах ствола Ярроу.

Джек Райан быстро поднялся по верхним лестницам и вышел на дневной свет. Он решил не терять времени. Не останавливаясь, добежал он до станции Коллендер. Ему пришлось ждать всего несколько минут, пока подошел эдинбургский поезд, и в три часа пополудни он уже появился у лорда-префекта столицы. Там выслушали его сообщение. Точность деталей, сообщенных им, не позволяла сомневаться в его правдивости. Немедленно дали знать сэру Эльфистону — не только коллеге, но и личному другу Джемса Старра, — и он попросил разрешения руководить розысками, которые было решено произвести незамедлительно. В распоряжение сэра Эльфистона предоставили нескольких агентов. Они взяли с собой лампы, кайла, длинные веревочные лестницы, не забыв также о пище и лекарствах. Затем под предводительством Джека Райана все отправились в копи Эберфойла.

В тот же вечер сэр Эльфистон, Джек Райан и агенты прибыли к устью ствола Ярроу и спустились до двадцать шестой площадки, на которой Джек останавливался несколькими часами раньше. В глубину ствола спустили лампы, привязанные к длинным веревкам, и убедились, что четырех последних лестниц нет.

Несомненно, что всякое сообщение между поверхностью и глубиной шахты было намеренно прервано.

Как только лампы были подняты, агенты прикрепили к площадке веревочную лестницу. Она, разворачиваясь, упала вниз. Нижние площадки остались целыми, ими можно было пользоваться.

Спуск был очень труден. Джек Райан первым повис на колеблющейся лестнице и достиг дна шахты. Вскоре к нему присоединились сэр Эльфистон и агенты.

Площадка, составляющая дно ствола Ярроу, была совершенно пуста, и сэр Эльфистон очень удивился, услышав восклицание Джека:

— Вот обломки лестницы — они наполовину обгорели!

— Обгорели? — повторил сэр Эльфистон. — Да, правда, вот и остывшая злота.

— Думаете ли вы, сэр, — спросил Джек Райан, — что инженеру Джемсу Старру было нужно зачем-нибудь сжигать эти лестницы и прерывать всякое сообщение с внешним миром?

— Нет, — задумчиво ответил сэр Эльфистон. — В путь, друг мой, в коттедж! Там мы узнаем все.

Джек Райан с сомнением покачал головой и, взяв лампу у одного из агентов, быстро направился по главному штреку шахты Дочерт. Остальные последовали за ним.

Через полчаса сэр Эльфистон и его спутники достигли ложбины, в глубине которой был выстроен коттедж Симона Форда. В окнах не было света.

Джек Райан кинулся к двери и с силой распахнул ее. Коттедж был пуст.

Комнаты темного жилища были тщательно осмотрены. Внутри — ни следов насилия. Все было в порядке, словно старая Мэдж еще была здесь. Запас съестного был еще велик, и его хватило бы семейству Форд на несколько дней. Отсутствие хозяев было положительно необъяснимым. Но можно ли установить день, когда они ушли? Да, так как в этой обстановке, где люди не различали дней и ночей, Мэдж обычно отмечала крестиком каждый день на своем календаре.

Этот календарь висел на стене в гостиной. И последний крестик был сделан 6 декабря, то есть через день после прибытия Джемса Старра, что мог подтвердить и Джек Райан. Очевидно, 6 декабря, десять дней назад, Симон Форд, его жена, сын и гость покинули коттедж. Могло ли такое долгое отсутствие объясняться какой-нибудь новой разведкой, предпринятой инженером? Повидимому, нет. Так, по крайней мере, думал сэр Эльфистон. Тщательно осмотрев коттедж, он положительно не знал, что предпринять.

Стояла непроглядная тьма. Только лампы в руках агентов освещали, как звезды, этот непроницаемый мрак. И вдруг Джек Райан закричал.

— Там! Там! — повторял он, и рука его указывала на

довольно яркое пятно света, двигавшееся в темной дали штрека.

— Друзья, бежим на этот свет! — сказал сэр Эльфистон.

— На огонек духа? — вскричал Джек Райан. — К чему? Мы его никогда не догоним!

Председатель Королевского института и агенты, мало склонные к суеверию, кинулись к мелькающему огню. Джек Райан, поборов свой страх, не отставал от них.

Это была долгая и утомительная погоня. Казалось, светлый огонек находится в руках у небольшого, но поразительно быстрого существа, которое ежеминутно исчезало за насыпями и снова показывалось в глубине какого-нибудь бокового штрека. Иногда оно исчезало окончательно, но вдруг фонарик снова бросал свои яркие лучи. В общем, приближение к нему было медленным, и Джек Райан продолжал думать, и не без основания, что догнать его невозможно.

Бесполезная погоня длилась уже час. Сэр Эльфистон со спутниками углубились в юго-восточную часть шахты Дочерт. Они тоже начали спрашивать себя, не имеют ли дело с неуловимым блуждающим огоньком.

В этот момент, однако, расстояние между огоньком и его преследователями стало как будто уменьшаться. Утомилось ли убегавшее существо, или хотело увлечь сэра Эльфистона и его спутников туда, куда, быть может, были завлечены и обитатели коттеджа, трудно было решить. Во всяком случае, агенты, видя, что цель стала ближе, удвоили свои усилия. Огонек, блестевший все время больше чем в двухстах шагах, находился теперь ближе чем в пятидесяти, и это расстояние продолжало сокращаться. Носителя фонарика стало яснее видно. Иногда, когда он поворачивал голову, можно было смутно различить профиль человеческого лица, если не дух принял этот облик.

— Смелее, товарищи! — кричал Джек Райан, прибавляя шаг. — Оно устает. Мы скоро догоним его, и если оно говорит так же хорошо, как и бежит, то многое сможет рассказать нам!

Однако погоня становилась все труднее. В глубине шахты узкие штреки перепутывались, как ходы лабиринта. В этой путанице носитель огонька мог легко ускользнуть от агентов. Для этого ему достаточно было погасить свой фонарик и броситься в сторону, в какой-нибудь темный угол.

«В сущности, — думал сэр Эльфистон, — если оно хочет скрыться от нас, то почему не сделало этого до сих пор?»

Но едва подобная мысль промелькнула в голове сэра Эльфистона, как огонек вдруг исчез, и агенты, продолжая погоню, почти тотчас же очутились перед узким отверстием между сланцевыми пластами в конце прохода. Проскользнуть туда, поправив свои лампы, было для сэра Эльфистона, Джека Райана и их спутников делом одного мгновения. Но не сделали они и сотни шагов по новому проходу, более широкому и высокому, как внезапно остановились.

У стены лежали на земле четыре тела — четыре трупа, быть может!

— Джемс Старр! — проговорил сэр Эльфистон.

— Гарри! Гарри! — вскричал Джек Райан, бросаясь к своему другу.

Действительно, это были инженер, Мэдж, Симон Форд и Гарри. Они лежали без движения. Но вдруг одно из тел приподнялось, и послышался слабый шопот старой Мэдж:

— Их!.. Сначала их!

Сэр Эльфистон, Джек Райан и агенты поспешили привести в чувство инженера и его спутников, дав им выпить несколько капель укрепляющего лекарства. Это удалось им почти сразу. Несчастные, десять дней заключенные в Новом Эберфойле, умирали от истощения.

— Мы не погубили только потому, — сказал Джемс Старр сэру Эльфистону, — что трижды находили подле себя хлеб и кувшин воды. Несомненно, сострадательное существо, которому мы обязаны жизнью, не могло сделать большего.

Сэр Эльфистон спросил себя, не было ли это делом того же неуловимого создания, которое привело их к месту, где лежали Джемс Старр и его товарищи.

Как бы то ни было, инженер, Мэдж, Симон и Гарри Форд были спасены. Их отвели в коттедж через тот самый проход, который носитель фонарика указал сэру Эльфистону.

Джемс Старр и его товарищи не могли найти отверстия, которое они сами пробили динамитом, потому что оно было плотно заделано нагроможденными друг на друга каменными глыбами. В глубокой тьме они не могли ни увидеть, ни разрушить эту преграду. Значит, пока они об-

следовали огромное подземелье, чья-то вражеская рука намеренно прервала всякое сообщение между Старым и Новым Эберфойлом.

ГЛАВА XIII

Углеград

Через три года после описанных событий все печатные путеводители по стране стали рекомендовать многочисленным туристам, посещающим графство Стирлинг, «провести несколько часов в копиях Нового Эберфойла».

Никакие копии Старого или Нового Света не представляли такого любопытного зрелища.

Прежде всего путешественник спускался без всякого утомления или опасности до самого дна разработки, на глубину полутора тысяч футов. В семи милях юго-западнее Коллендера на поверхность земли выходил наклонный тоннель с монументальным входом, украшенным зубцами и башенками. Этот широкий, со слабым уклоном тоннель вел прямо в подземелье, созданное природой в толще шотландской почвы. Двойной рельсовый путь, поезда которого двигались гидравлической силой, обслуживал возникшее в подпочве графства селение с гордым названием «Углеград».

Посетитель, прибывший в Углеград, оказывался в обстановке, в которой главную роль как источник света и теплоты играло электричество. Яркий свет заливал эту темную пещеру, где множество электрических дисков заменяло диск солнечный. Подвешенные к сводам, укрепленные на естественных колоннах, непрерывно питаемые током, доставляемым электромагнитными машинами, эти светила щедро освещали свою страну. Когда наступало время отдыха, довольно было повернуть выключатель, чтобы создать в глубоких недрах шахт искусственную ночь. Электричество широко применялось и для всех нужд промышленной и домашней жизни как в домах Углеграда, так и в шахтах Нового Эберфойла.

Нужно сказать, что предвидения инженера Джемса Старра относительно разработки новых копей вполне оправдались: богатства угольной залежи были неисчислимы.

Читатель помнит замечательное устройство громадной пещеры, в которой старый мастер со своими спутниками останавливались во время первой разведки. Над их головами возвышался стрельчатый купол. Устой, на которых он

покоился, достигали высоты трехсот футов. Под этим сводом расстилалось озеро, по своим размерам сравнимое с Мертвым морем в Мамонтовой пещере, — глубокое озеро, прозрачные воды которого кишели безглазыми рыбами. Инженер назвал его озером Малькольм.

В этой огромной пещере Симон Форд построил себе новый коттедж, которого не променял бы на лучший отель улицы Принцев в Эдинбурге. Это жилище стояло на берегу озера, и пять его окон глядели на мрачные воды, простиравшиеся далеко за пределы человеческого зрения.

Через два месяца рядом с коттеджем Симона Форда появилось другое жилище: это был дом Джемса Старра. Инженер отдался Новому Эберфойлу душой и телом. Он тоже захотел жить там, и только неотложные дела могли заставить его подниматься на поверхность. Здесь, внизу, он был в среде углекопов и жил их жизнью.

С открытием новых залежей все рабочие старых копей поспешили бросить плуг и борону, чтобы снова взяться за лом и кайло. Привлеченные уверенностью, что в работе не будет недостатка, высокой платой, которую успешные разработки позволяли дать рабочим, они оставили поверхность земли ради ее недр и устроились в шахтах, удобных по своему природному строению для такого поселения.

Кирпичные домики шахтеров живописно распростились по берегам озера Малькольм и под арками, поддерживающими своды. И когда этот подземный город освещался лучами электрических солнц, он представлял собой нечто фантастическое и своеобразное, оправдывая рекомендацию путеводителей. Поэтому туристов там всегда было много.

Разумеется, подземные жители гордились своим городом и редко покидали его, по примеру Симона Форда, никогда не желавшего подниматься наверх. Он говорил, что там, наверху, всегда идет дождь, и, принимая во внимание климат Соединенного королевства, нужно признать, что он был не совсем неправ.

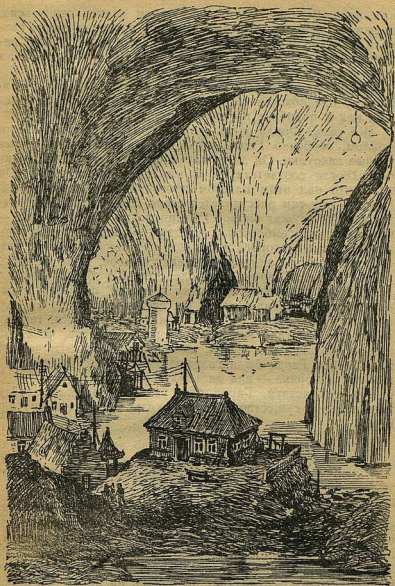
Итак, жители Нового Эберфойла процветали. За три года они достигли известного благосостояния, которого никогда не достигли бы наверху. Многие из детей, рожденных после возобновления работы, никогда не дышали воздухом поверхности.

Джек Райан говорил поэтому:

— Вот уже полтора года как их отняли от груди, а они все еще не появились на свет!

Джек Райан одним из первых откликнулся на призыв

В этой пещере Симон Форд построил себе новый коттедж.

инженера. Веселый малый считал своим долгом вернуться к прежнему ремеслу, и ферма Мельроз потеряла своего певца и музыканта. Но это не значило, что Джек Райан перестал петь. Наоборот: звонкое эхо Нового Эберфойла надрывало свои каменные легкие, вторя ему.

Джек Райан поселился в новом коттедже Симона Форда. Ему предложили комнату, и он принял ее без церемоний, как и подобает простому, открытому человеку.

Вся семья Форда очень скоро освоилась с Новым Эберфойлом, особенно Гарри. Молодой горняк изучил самые тайные закоулки. Он даже научился узнавать, какой точке поверхности соответствует та или иная точка копей. Он знал, что над этим пластом простирается Клайдский залив, что вон там расстилается озеро Ломонд или Кэтрайн; эти столбы служат опорой Грампианских гор, этот свод — фундаментом Дембертона; над этим большим прудом проходит железная дорога в Боллок; там кончается шотландское побережье, а здесь начинается море, шум которого ясно слышен во время равноденственных бурь. Сколько раз Гарри, прикрепив лампочку к шляпе, проникал в самые дальние проходы копей! Он исследовал озеро на челноке, которым ловко управлял. Он даже охотился, так как в пещеру налетало много диких птиц, бекасов, чаек, чистиков, питавшихся рыбой, которой кишели эти черные воды. Глаза Гарри были созданы для темных подземелий, как глаза моряка — для дальних горизонтов.

Но, странствуя, Гарри был увлечен надеждой найти таинственное существо, спасшее жизнь ему и его спутникам.

ГЛАВА XIV

На волоске

Однажды, в июньское воскресенье, два друга прогуливались по берегу озера Малькольм. Углеград отдыхал. Наверху зачастили грозы. Сильные дожди вызывали из земли горячий туман. На поверхности графства нечем было дышать. Напротив, в Углеграде царили полное спокойствие, приятная температура; ни дождя, ни ветра. Сюда не достигала борьба стихий, а блеску электрических ламп вполне могло бы позавидовать туманное британское солнце.

Джек Райан обратил внимание Гарри на шумные сбо-

рище туристов, но тот, казалось, едва вслушивался в его слова.

— Посмотри же, Гарри, — восклицал Джек Райан, — как они торопятся взглянуть на нас! Ну же, товарищ, отгони свои печальные мысли! А то эти люди сверху подумают, что мы завидуем их судьбе.

— Джек, — ответил Гарри, — не беспокойся обо мне. Ты весел за двоих, и этого довольно.

— Забери меня Старый Ник¹, — возразил Джек Райан, — если твоя меланхолия не отражается в конце концов и на мне! Ну, Гарри, в чем дело?

— Ты знаешь, Джек.

— Ты думаешь все о том же?

— Все о том же.

— Ах, бедный мой Гарри! — воскликнул Джек Райан, пожав плечами. — Если бы ты приписал все это, как я, духам шахты, у тебя на сердце было бы спокойнее.

— Ты знаешь хорошо, Джек, что духи существуют только в твоём воображении. Со времени возобновления работ в Эберфойле ни одного из них не видели.

— Пусть так, Гарри! Но если духи не показываются, то те, кому ты хочешь приписать все эти необычные вещи, не показываются тоже.

— Я их разыщу, Джек!

— Ну... знаешь, Гарри, эти существа, что живут в пропастях, они не такие, как мы!

— Такие же, Джек!

— Нет, Гарри. Да и нельзя предположить, чтобы какому-нибудь сумасшедшему удалось...

— Сумасшедшему! — прервал Гарри. — Это у сумасшедшего-то такая связность в мыслях? Сумасшедший — этот злодей, который с того дня, как он бросил камень в стволе Ярроу, не переставал делать нам зло?

— Но он больше его не делает, Гарри. Вот уже три года, как ни против тебя, ни против твоих близких не было предпринято ничего дурного.

— Все равно, Джек, — возразил Гарри. — Я чувствую, что это злобное создание, кем бы оно ни было, не отказалось от своих планов. На чем я основываюсь, говоря так, не смогу тебе объяснить, но ради новой разработки я хочу знать, что это за существо и откуда оно.

— Ради новой разработки? — удивленно переспросил Джек Райан.

---

¹ Старый Ник — чорт.

— Да, Джек, — продолжал Гарри. — Во всем я вижу враждебный нам умысел. Я часто об этом думал и едва ли ошибаюсь. Вспомни весь ряд необъяснимых явлений, логически связанных между собою. Анонимное письмо, противоречащее письму моего отца, доказывает прежде всего, что кто-то узнал о наших планах и хотел нам помешать. Затем, мистер Старр приезжает к нам в шахту Дочерт. Едва я ввожу его туда, как на нас сбрасывают огромный камень; лестницы в стволе Ярроу сжигают, чтобы прервать сообщение с поверхностью. Начинается наша разведка. Опыт, который должен доказать существование новой залежи, становится невозможным, так как трещины в сланце замазаны. Несмотря на это, опыт удастся, пласт найден. Мы возвращаемся. Вдруг — необычайное движение воздуха, наша лампа разбита, мы оказываемся в непроглядной тьме. Нам удастся, однако, двигаться по главному проходу, но из него нет выхода: отверстие заделано, мы замурованы, отрезаны от мира... Ну, Джек, разве ты не видишь во всем этом преступного умысла?

— Хорошо, Гарри, — возразил Джек Райан, — я должен согласиться с тобой в некоторых пунктах. Но не думаешь ли ты, что какой-нибудь благодетельный дух, принося вам хлеб и воду, мог спасти вас от...

— Джек, — прервал его Гарри, — благородное существо, которое ты хочешь сделать сверхъестественным, существует так же реально, как и злодей, о котором я говорю, и я буду искать их везде, вплоть до самых отдаленных глубин.

— Но есть ли у тебя какие-нибудь вехи, чтобы начать поиски?

— Может быть... Слушай внимательно. В пяти милях западнее Нового Эберфойла, под той частью массива, которая находится под озером Ломонд, есть природный колодец. Он отвесно спускается в самые недра залежи. Неделю назад я захотел исследовать его глубину. И вот, пока мой зонд опускался, а сам я наклонился над краем колодца, мне показалось, что воздух внутри колышется, как от взмахов больших крыльев.

— Какая-нибудь птица залетела в глубину, — заметил Джек Райан.

— Это не все, Джек, — продолжал Гарри. — Сегодня утром я вернулся к этому колодцу и, прислушавшись, уловил в нем какие-то стоны.

— Стоны? — вскричал Джек Райан. — Ты ошибся, Гар-

ри! Это был порыв ветра... если только какой-нибудь дух не...

— Завтра, Джек, — продолжал Гарри, — я узнаю, в чем дело.

— Завтра? — переспросил Джек.

— Да! Завтра я спущусь в эту пропасть.

— Гарри, это значит искушать судьбу.

— Нет, Джек. Завтра мы с тобой пойдем к этому колодцу вместе с товарищами. Длинная веревка, которой я обвяжусь, позволит вам опускать и поднимать меня по сигналу. Могу я рассчитывать на тебя, Джек?

— Гарри, — ответил Джек Райан, покачивая головой, — я сделаю все, что ты просишь, но, повторяю, ты ошибаешься.

Как бы то ни было, на следующее утро Джек Райан и трое шахтеров из его бригады сопровождали Гарри к таинственному колодцу. Гарри ничего не сказал о своем плане ни Джемсу Старру, ни старому мастеру, а Джек Райан был достаточно скромен, чтобы не болтать.

Отверстие колодца было довольно широко — двенадцати футов в диаметре. Поперек него положили балку — так, чтобы веревка, скользя по ней, была посередине колодца. Это было необходимо для того, чтобы Гарри при спуске не ударялся о стены.

Гарри был готов. Его опоясали веревкой вокруг стана, потом подмышками. Таким образом, руки Гарри остались свободными. К поясу он подвесил безопасную лампочку и широкий шотландский нож в кожаных ножнах. Он добрался до середины балки, через которую была перекинута веревка, и товарищи начали медленно опускать его в колодец. Так как веревка слегка вращалась, то свет его лампочки падал последовательно на стены со всех сторон, и Гарри мог тщательно осматривать их.

Стены колодца состояли из сланца и были такими гладкими, что по ним невозможно было взобраться наверх. В них не было никаких боковых ходов. Колодец мало-помалу суживался, как воронка, но снизу доносилось веяние свежего воздуха, и Гарри решил, что нижний конец колодца сообщается с каким-нибудь из штреков нижнего яруса копей.

Веревка продолжала скользить. Темнота была абсолютной, тишина — тоже. На глубине ста восьмидесяти футов Гарри почувствовал, что достиг дна колодца. Веревка ослабела и не разматывалась больше.

Гарри вздохнул свободнее. Одно из его опасений оказалось напрасным: он не заметил в стенах никакой впадины, где могло бы спрятаться живое существо.

Нижний конец колодца был сильно сужен. Сняв с пояса лампу, Гарри стал освещать почву. Он не ошибся в своих заключениях: отсюда в сторону шел узкий проход в нижние ярусы шахты. Нужно было согнуться, чтобы войти в него, и ползти на четвереньках, чтобы продвигаться.

Гарри хотел узнать, куда идет этот проход и не оканчивается ли пропастью. Он лег ничком и пополз, но почти тотчас же наткнулся на препятствие. Сначала он подумал, что это труп, загородивший собою весь проход, и отшатнулся с отвращением, но потом опять приблизился.

Он не обманулся: действительно, это было человеческое тело. Гарри ошупал его и убедился, что хотя конечности и оледенели, но труп еще не совсем остыл. Притянуть его к себе, оттащить на дно колодца, направить на него свет лампы — все это заняло меньше времени, чем нужно, чтобы рассказать об этом.

— Ребенок! — вскричал Гарри.

Ребенок, найденный на дне этой пропасти, еще дышал, но так слабо, что Гарри боялся услышать его последний вздох. Нужно было, не теряя ни секунды, поднять это бедное маленькое создание наверх, отнести в коттедж и сдать на попечение Мэдж.

Забыв обо всем остальном, Гарри поправил веревку, подвесил лампу, взял ребенка, прижимая его к груди левой рукой, и, оставив правую свободной, дал условный сигнал осторожного подъема. Веревка натянулась, и медленный подъем начался.

Гарри оглядывался теперь с удвоенным вниманием — он уже не один подвергался опасности. В первые минуты все шло хорошо, ничего, казалось, не могло случиться. Но внезапно Гарри почувствовал словно мощное дыхание, всколыхнувшее слои воздуха в глубине колодца. Он взглянул вниз и увидел в полумраке какую-то темную массу, которая, постепенно поднимаясь, мимоходом задела его. Это была громадная птица с могучими крыльями, породы которой он не мог разобрать.

Пернатое чудовище повисло на миг в воздухе, потом со свирепым ожесточением кинулось на Гарри.

У юноши была свободна только правая рука. Он стал отбиваться, стараясь защитить ребенка от грозного клюва, но птица не трогала ребенка и нападала только на са-

мого Гарри. Стесняемый вращением веревки, он никак не мог нанести ей смертельный удар.

Борьба продолжалась. Гарри закричал во всю силу легких, надеясь, что его крики будут услышаны наверху. Так и случилось: веревка сразу же пошла быстрее. Оставалось преодолеть футов восемьдесят. Птица стала кидаться на Гарри еще яростнее. Ударом ножа он ранил ее в крыло, и она с хриплым криком исчезла в глубине колодца.

Но — ужасная случайность! — Гарри, размахнувшись ножом, чтобы ударить птицу, задел веревку, и одна прядь ее оказалась перерезанной.

Волосы у Гарри встали дыбом. На высоте более ста футов над пропастью веревка постепенно рвалась.

Гарри испустил отчаянный вопль.

Еще одна прядь веревки лопнула под двойной тяжестью. Гарри выпустил нож и, сделав нечеловеческое усилие, схватился за веревку выше надреза в тот самый момент, когда она готова была оборваться. Но хотя рука у него была железная, он почувствовал, что веревка мало-помалу выскальзывает у него из пальцев. Он мог бы схватиться за нее двумя руками, пожертвовав ребенком, но это ему даже не пришло в голову.

Тем временем Джек Райан и остальные, встревоженные криками Гарри, тянули веревку все сильнее.

Гарри чувствовал, что не выдержит. Лицо его налилось кровью. Он закрыл глаза, ожидая падения в пропасть. Но в тот момент, когда он готов был выпустить веревку, почти выскользнувшую из его рук, его подхватили и вытащили из колодца вместе с ребенком. Тогда наступила реакция, и Гарри без сознания упал на руки товарищей.

ГЛАВА XV

Нелль в коттедже

Через два часа Гарри, не сразу пришедший в себя, и ребенок, крайне слабый, добрались с помощью Джека Райана и его товарищей до коттеджа. Здесь они рассказали старому мастеру все происшедшее, и Мэдж окружила заботами бедное создание, спасенное ее сыном.

Гарри думал, что спас из пропасти ребенка. Но это была девушка пятнадцати-шестнадцати лет. Ее туманный, полный удивления взгляд, худенькое, осунувшееся от страданий личико, нетронутое солнечными лучами, и хруп-

кая невысокая фигурка придавали ей странную прелесть. Джек Райан не без основания сравнил ее с мотыльком. Выражение ее лица было странным; глаза, видимо утомленные блеском лампы коттеджа, смотрели смутно, словно все было новым для них.

Когда девушку уложили в постель и стало ясно, что она постепенно возвращается к жизни, словно приходя в себя после долгого сна, старая шотландка спросила ее:

— Как тебя зовут?

— Нелль, — отвечала девушка.

— Нелль, — продолжала Мэдж, — ты больна?

— Я голодна, — ответила Нелль. — Я не ела уже...

По этим немногим словам чувствовалось, что Нелль не привыкла говорить. Она объяснялась на старом гаэльском наречии¹, которое было привычно в семье Симона Форда.

Мэдж принесла девушке пищу. Нелль умирала от голода. Сколько времени пробыла она в глубине колодца, никто не мог сказать.

— Сколько дней ты пробыла там внизу, дитя мое? — спросила Мэдж.

Нелль не ответила. Казалось, она не поняла заданного ей вопроса.

— Сколько дней? — повторила Мэдж.

— Дней? — переспросила Нелль, которой это слово, видимо, ничего не говорило; потом она покачала головой, как человек, не понимающий, о чем его спрашивают.

Мэдж взяла руку Нелль и погладила, чтобы внушить доверие к себе.

— Сколько тебе лет, дитя мое? — спросила она, ласково глядя на девушку.

Нелль опять отрицательно покачала головой.

— Да, да, — продолжала Мэдж: — сколько лет?

— Лет? — переспросила Нелль; это слово, видимо, имело для нее не больше смысла, чем слово «день».

Симон Форд, Гарри, Джек Райан и его товарищи смотрели на нее со смешанным чувством жалости и симпатий. Состояние этого бедного существа, одетого в жалкую рубашку из грубой ткани, глубоко волновало их.

Гарри больше всех привлекала именно странность Нелль. Он подошел к ней, взял ее руку, которую только что выпустила Мэдж, взглянул прямо в лицо Нелль, на губах которой показалась улыбка, и спросил:

---

¹ Гаэльское наречие — наречие коренного населения южной Шотландии.

— Нелль, там внизу, в шахте, ты была одна?

— Одна! одна! — воскликнула девушка приподнимаясь. На лице ее выразился страх, глаза, смягчившиеся было под взглядом молодого человека, стали снова дикими. — Одна! одна! — повторила она и вновь упала на подушку; силы вдруг оставили ее.

— Бедное дитя еще слишком слабо, чтобы говорить, — сказала Мэдж, уложив девушку опять. — Несколько часов сна и хорошая еда вернут ей силы. Идем Симон! Идем, Гарри! Уйдемте все, друзья мои, и дадим ей уснуть.

По совету Мэдж, Нелль оставили одну, и через минуту она спала крепким сном.

Это событие наделало немало шуму не только в копиях, но и в графстве Стирлинг, а вскоре и во всем Соединенном королевстве. Ореол таинственности вокруг Нелль все усиливался. Девушка прославилась, сама того не зная. Суеверные люди нашли новую тему для своих легенд. Они считали Нелль духом Нового Эберфойла, и когда Джек Райан говорил об этом Гарри, тот отвечал:

— Пусть так, Джек. Во всяком случае, это добрый дух. Он нам помогал, приносил нам хлеб и воду, когда мы были замурованы в шахте. Этим духом могла быть только она! А что касается злого духа, то если он остался в шахте, мы его когда-нибудь непременно откроем!

Разумеется, инженера Джемса Старра сейчас же известили о случившемся. Он заботливо расспросил девушку, к которой уже на следующий день после ее появления в коттедже вернулись силы. Она показалась ему существом, совершенно не знающим жизни. Нелль была умна, это обнаружилось очень быстро, но не имела представления о многих простейших вещах — между прочим, и о времени. Было очевидно, что она не привыкла делить время на дни и часы, даже слова эти были ей незнакомы. Кроме того, ее глаза, привыкшие к темноте, с трудом переносили блеск электричества, в темноте же зрение ее было необычайно острым, сильно расширенный зрачок позволял ей видеть в самом глубоком мраке. Было ясно также, что ей никогда не приходилось воспринимать впечатлений внешнего мира, что никакой горизонт, кроме горизонта копей, не развертывался перед ее глазами, что весь мир для нее ограничивался этими мрачными подземельями. Едва ли бедная девушка знала, что в мире существуют солнце и звезды, города и села.

Джемсу Старру пришлось отказаться от разрешения

вопроса, жила ли Нелль в глубинах Нового Эберфойла одна. Всякий намек на это приводил девушку в ужас. Нелль или не могла, или не хотела отвечать. И в ее молчании несомненно крылась какая-то тайна.

— Хочешь ли ты остаться с нами? Хочешь ли вернуться туда, где ты была? — спросил Джемс Старр.

На первый из этих вопросов она ответила утвердительно, на второй — криком ужаса.

Упорное молчание Нелль тревожило Джемса Старра, Симона и Гарри. Они не могли забыть о странных событиях, сопровождавших открытие копей. И несмотря на то, что за три года не случилось ничего дурного, они продолжали ожидать от своего незримого врага какого-нибудь нового нападения. Поэтому они решили, собравшись большой группой и хорошо вооружившись, исследовать таинственный колодец, но не нашли там никаких подозрительных следов. Колодец сообщался с нижними ярусами пещеры, прорытыми в угленосных слоях.

Через две недели после своего появления в коттедже Нелль уже стала понятливой и усердной помощницей старой Мэдж. Очевидно, ей казалось вполне естественным остаться в доме, где ее приняли с таким состраданием. Возможно, что она и не представляла себе, что могла бы жить в каком-нибудь другом месте. Она вполне удовлетворялась обществом семейства Форд, и, разумеется, эти добрые люди стали считать ее приемной дочерью с того момента, как она вошла в их дом. Нелль действительно была прелестна, новая жизнь сделала ее еще красивее. Несомненно, она впервые в жизни была счастлива и преисполнена благодарности к людям, которым была обязана этим счастьем. Мэдж относилась к Нелль по-матерински, а старый мастер не чаял в ней души.

К этому времени Гарри сделал неожиданное открытие, которым отчасти объяснялось появление Огненных Женщин в развалинах замка Дендональд в Эрвайне.

Однажды после обследования южной части шахты, длившегося несколько дней, Гарри с трудом пробрался в узкий коридор, проделанный между слоями сланцев. Внезапно, к своему удивлению, он очутился на открытом воздухе. Коридор, шедший наклонно к поверхности земли, кончался как раз в развалинах замка Дендональд. Следовательно, между Новым Эберфойлом и холмом, на котором возвышался старый замок, существовало тайное сообщение. Верхнее устье этого прохода, скрытое камнями и

кустарником, было совершенно невидимым извне, и поэтому при расследовании его не нашли.

Через несколько дней Джемс Старр, которого сюда привел Гарри, сам осмотрел этот естественный выход из угольных копей.

— Вот убедительное доказательство для суеверных, — сказал он. — Прощайте, гномы, духи и Огненные Женщины! Очевидно, существа, скрывающиеся в шахте, общаются по этому проходу с поверхностью земли. Это они, конечно, завлекли своим факелом в ту бурную ночь судно «Мотала» к берегу и, как старинные береговые пираты, ограбили бы его, не будь там Джека Райана с товарищами. Вот и вход в их притон! Но там ли они сейчас?

— Там, потому что Нелль дрожит, когда ей говорят об этом, — убежденно ответил Гарри. — Конечно там, если она не хочет или не смеет об этом говорить.

Гарри был, очевидно, прав. Если бы таинственные хозяева шахты покинули ее или умерли, то у девушки не было бы причин хранить молчание.

Однако Джемс Старр непременно хотел проникнуть в эту тайну. Он чувствовал, что от этого могло зависеть будущее новых копей, поэтому были приняты самые строгие меры предосторожности. Предупредили судебные органы. Агенты тайно охраняли развалины замка Дендональд. Гарри сам прятался в кустах в течение нескольких ночей. Напрасный труд — ничего не удалось открыть.

Был праздничный день. Все отдыхали, как на поверхности графства Стирлинг, так и в подземном царстве. Рабочие гуляли; всюду под куполами Нового Эберфойла раздавались песни.

Гарри и Нелль, выйдя из коттеджа, медленно шли по левому берегу озера Малькольм. Там электрические фонари горели не так ярко, и их лучи причудливо дробились на живописных утесах, поддерживавших своды. Эта полутьма была приятна для глаз Нелль, с трудом привыкавших к свету.

После часовой прогулки Гарри со своей спутницей остановились перед часовой на природной террасе, возвышавшейся над водами озера.

— Твои глаза, Нелль, еще не привыкли к свету, — сказал Гарри, — и они не смогут, конечно, вынести солнечного блеска. Но скажи мне, неужели ты со дня рождения никогда не была на поверхности земли?

— Никогда, Гарри, — ответила Нелль, — и не думаю,

чтобы отец или мать носили меня туда даже маленькой. Я, конечно, помнила бы об этом.

— Вероятно, — сказал Гарри. — Впрочем, в те времена многие никогда не покидали шахты. Но сейчас рельсовый путь в большом тоннеле выносит нас на поверхность в несколько минут. И я с нетерпением жду, Нелль, чтобы ты сказала мне: «Идем, Гарри, мои глаза вынесут свет. Я хочу видеть солнце!»

— Я и скажу это, Гарри, и, надеюсь, скоро. Я пойду с тобой полюбоваться внешним миром, но все же...

— Что ты хочешь сказать, Нелль? — с живостью спросил Гарри. — Будешь ли ты жалеть о том, что покинула темную пропасть, где провела первые годы жизни и откуда тебя извлекли почти мертвой?

— Нет, Гарри, — ответила Нелль, — я думала только, что мрак тоже прекрасен. Знаешь, кто не жил там, тот не поймет, что я чувствую и чего не могу объяснить тебе.

— И ты не боялась, Нелль, когда была одна?

— Гарри, — ответила девушка, — я не боялась, именно когда была одна.

Голос Нелль слегка дрогнул. Гарри продолжал:

— Но ведь ты могла заблудиться в длинных коридорах, Нелль. Разве ты не боялась этого?

— Нет, Гарри. Я давно знала все закоулки новых копей.

— Ты выходила оттуда когда-нибудь?

— Да... иногда... — ответила девушка нерешительно. — Я доходила иногда до Старого Эберфойла.

— Значит, ты знала старый коттедж?

— Коттедж — да... но тех, кто там жил, видела только издали.

— Это были мой отец, мать и я, — сказал Гарри. — Мы не хотели покидать нашу старую шахту.

— Может быть, это было бы лучше для вас... — прошептала девушка. — Тогда было очень опасно ходить в новые копи. Да, очень опасно, Гарри! Однажды неосторожные люди проникли в эти глубины. Они были далеко, очень далеко! Они заблудились.

— Заблудились? — переспросил Гарри, взглянув на Нелль.

— Да, заблудились, — дрожащим голосом ответила девушка. — Лампа у них погасла... они не смогли найти дорогу...

Гарри и Нелль медленно шли по берегу озера.

— И там, — вскричал Гарри, — замурованные в течение недели, Нелль, они были близки к смерти! И без благодетельного существа, тайком приносившего им немного пищи, без таинственного проводника, приведшего потом к ним избавителей, они никогда не вышли бы из этой могилы.

— Почему ты это знаешь? — спросила девушка.

— Потому, что эти люди были Джемс Старр, мой отец, мать и я.

Нелль, подняв голову, схватила молодого человека за руку и взглянула на него так пристально, что он почувствовал себя смущенным до глубины души.

— Ты? — прошептала она.

— Да, — ответил Гарри помолчав, — а та, кому мы обязаны жизнью, — ты, Нелль: это не мог быть никто другой, кроме тебя.

Нелль закрыла лицо руками, не отвечая. Гарри никогда еще не видел ее такой взволнованной.

— Те, кто спас тебя, Нелль, — прибавил он с волнением, — сами были обязаны тебе жизнью. Неужели ты думаешь, что они могли забыть это?

ГЛАВА XVI

На движущейся лестнице

Разработка Нового Эберфойла давала громадную прибыль. Разумеется, инженер Джемс Старр и Симон Форд, открывшие этот богатейший угольный бассейн, принимали широкое участие в прибылях. Гарри становился, следовательно, завидным женихом. Но он не собирался покидать коттедж. Он заменил своего отца и тщательно исполнял свои обязанности старшего мастера. Джек Райан радовался удаче своего друга. Его собственные дела тоже шли хорошо. Оба виделись часто — то в коттедже, то на подземных работах. Джек Райан быстро подметил чувства, которые Гарри питал к девушке. Гарри не признавался в них, но Джек Райан смеялся во весь рот, когда на его вопросы товарищ только отрицательно качал головой.

Однажды Джек Райан спускался по вентиляционному стволу, которым нижний ярус копей сообщался с поверхностью. Он воспользовался одной из движущихся лестниц, которые позволяли подниматься и опускаться без усталости. На глубине около ста пятидесяти футов он встретил-

ся на узкой площадке с Гарри, поднимавшимся на поверхность.

— Это ты? — спросил Джек, глядя на своего товарища, ярко освещенного электрическими лампами.

— Да, Джек, — ответил Гарри, — и рад тебя видеть. Я хочу предложить тебе кое-что.

— Я ничего не буду слушать, пока не узнаю новостей о Нелль! — воскликнул Джек Райан.

— Нелль здорова, Джек, и даже настолько, что через месяц или полтора я надеюсь...

— Жениться на ней?

— Ты не знаешь, что говоришь, Джек!

— Может быть, Гарри. Зато знаю, что сделаю.

— Что же?

— Сам женюсь на ней, если ты не женишься! — ответил Джек Райан расхохотавшись.

Гарри молча глядел на него.

— Гарри, — сказал Джек, — ты думаешь, я говорил о Нелль серьезно?

— Нет, Джек, — ответил Гарри.

— Ну, так я сделаю это сейчас.

— Ты хочешь говорить серьезно?

— Мой дорогой Гарри, — произнес Джек, — поверь, что я могу дать другу добрый совет.

— Я тебя слушаю, Джек.

— Вот он. Ты любишь Нелль, и она этой любви достойна. Твой отец, старый Симон, твоя мать, старая Мэдж, любят ее, как дочь. И тебе так легко сделать, чтобы она стала им настоящей дочерью. Почему ты не женишься на ней?

— Разве ты знаешь чувства Нелль, Джек, — возразил Гарри, — чтобы говорить так?

— Их знают все — и даже ты сам, потому-то ты не ревнуешь ни ко мне, ни к другим. Но вот лестница спускается, и я...

— погоди, Джек, — сказал Гарри, удерживая товарища, который уже занес ногу, чтобы стать на движущиеся ступеньки.

— Слушаю. До следующей ступеньки, не дольше.

— Джек, — продолжал Гарри, — я не хочу скрывать, что люблю Нелль. Мое заветное желание — сделать ее своей женой...

— Это хорошо.

— Но пока совесть не позволяет мне требовать от нее решения, которое должно быть бесповоротным.

— Что ты хочешь сказать, Гарри?

— Я хочу сказать, что Нелль никогда еще не покидала недр шахты, где, вероятно, и родилась. Она не знает ничего, ничего не видела. Ее глазам и сердцу предстоит ознакомиться с миром. Кто знает, какими станут ее мысли, когда она испытает новые впечатления? В ней еще нет ничего земного, и мне кажется, что было бы обманом добиваться ее согласия, пока она не решится вполне сознательно предпочесть жизнь под землей всему остальному. Ты понимаешь меня, Джек? Я хочу, чтобы Нелль узнала внешний мир. Если бы ты любил слепую девушку и тебе бы сказали: «Через месяц она прозреет», неужели ты бы не подождал жениться на ней, пока она не выздоровеет?

— Да, честное слово да! — ответил Джек Райан.

— Ну вот, Джек, Нелль еще слепа, и, прежде чем сделаться моей женой, она должна знать, что предпочитает именно меня и условия моего существования. Я хочу, чтобы глаза ее увидели-наконец дневной свет!

— Хорошо, Гарри, очень хорошо! — воскликнул Джек Райан. — Теперь я тебя понимаю. А когда будет операция?

— Через месяц, Джек. Глаза Нелль постепенно привыкают к свету наших ламп. Это подготовка. Через месяц, надеюсь, она увидит землю с ее чудесами и небо во всем его блеске.

Но пока Гарри, увлеченный своими планами, говорил, Джек спрыгнул с площадки на ступеньку движущейся лестницы.

— Эй, Джек, — крикнул Гарри, — где же ты?

— Под тобой! — ответил, смеясь, его веселый друг. — Пока ты поднимаешься к небесам, я спускаюсь в бездну.

— Так прощай, Джек! — крикнул Гарри, тоже прыгая на ступеньку поднимающейся лестницы. — Пожалуйста, не говори никому о том, что я тебе сказал.

— Никому, — ответил Джек Райан. — Но с одним условием...

— С каким?

— Что вы возьмете меня с собой в первое путешествие по поверхности.

— Да, Джек, обещаю тебе это! — крикнул Гарри, и они расстались.

Свободное время Гарри посвящал обучению Нелль.

Он учил ее читать и писать, и девушка делала большие успехи. Она словно знала, угадывала все инстинктивно. Никогда живой ум не торжествовал так полно над невежеством. Это удивляло всех знающих ее близко.

Симон и Мэдж с каждым днем все сильнее привязывались к своей приемной дочери, хоть их несколько тревожило ее прошлое. Они прекрасно видели отношение к ней Гарри, и это было им очень по душе. При первом посещении Джемсом Старром коттеджа Симон Форд говорил инженеру:

— Зачем моему сыну жениться? Разве девушка «сверху» годится в жены человеку, жизнь которого проходит в глубине шахты?

И вдруг судьба послала его сыну единственную подходящую ему подругу.

Но если никто не собирался мешать этому браку, то почему, когда электрические фонари гасли, когда над рабочим городом спускалась ночь и жители Углеграда расходились по своим домам, — почему тогда из самых темных закоулков Нового Эберфойла во мраке выскальзывало какое-то таинственное существо? Какой инстинкт руководил этим призраком, ведя его по таким узким проходам, что они казались непроходимыми? Почему это загадочное создание, чьи глаза пронизывали глубочайший мрак, ползло к берегам озера Малькольм? Почему оно так упорно направлялось к жилищу Симона Форда, двигаясь с осторожностью, которая позволяла ему ускользнуть от всякого наблюдения? Зачем оно прикладывало ухо к окнам и старалось уловить обрывки разговора сквозь ставни коттеджа? И когда некоторые слова достигали его слуха, почему он злобно грозил мирному жилищу? Почему, наконец, с его губ, искаженных гневом, срывались слова:

— Она и он? Никогда!

ГЛАВА XVII

Восход солнца

Через месяц, вечером 20 августа, Симон Форд и Мэдж провожали четырех туристов, уезжавших из коттеджа. Джемс Старр, Джек Райан и Гарри сопровождали Нелль на поверхность земли, куда ее нога не ступала еще ни разу, — в тот мир, который ее глаза еще не видели.

В этой части Шотландии, между Эдинбургом и Глазго,

природа соединила все земные чудеса, а небо было таким же, как и везде: с вечно бегущими облаками, с луной ясной или затуманенной, с сияющим солнцем, с россыпью звезд.

Джемс Старр благоразумно рассудил, что выехать надо вечером. Действительно, для девушки лучше было постепенно перейти от ночного мрака к дневному свету. С полуночи до полудня она должна была последовательно увидеть все переходы теней и света.

Выходя из коттеджа, Нелль взяла Гарри за руку и сказала:

— Гарри, значит мне непременно нужно оставить нашу старую шахту, хотя бы на несколько дней?

— Да, Нелль, — ответил молодой человек, — так нужно. Нужно для тебя и для меня.

— Гарри, — продолжала она, — с тех пор как ты меня нашел, я совершенно счастлива. Ты меня обучил. Разве этого не довольно? Что я буду делать наверху?

— Идем, милая Нелль! — произнес Гарри.

— Я готова, — ответила девушка.

В девять часов последний поезд тоннеля поднял Нелль и ее спутников на поверхность. Через двадцать минут он высадил их на станции, куда подходила короткая ветка пути из Дембертона в Стирлинг, обслуживавшая Новый Эберфойл.

Уже наступила ночь. Редкие облака бежали от горизонта к зениту, гонимые северо-восточным бризом¹, освежавшим воздух. Прошедший день был ясным; такой же обещала быть и ночь.

Приехав в Стирлинг, Нелль и ее спутники вышли из вокзала. Перед ними между большими деревьями тянулась дорога, ведущая к берегам реки.

Первым физическим впечатлением, испытанным девушкой, было ощущение свежего воздуха.

— Дыши хорошенько, Нелль, — сказал Джемс Старр, — дыши этим воздухом, насыщенным живительным ароматом полей.

— Что это за клубы дыма несутся у нас над головой? — спрашивала Нелль.

— Это облака, — ответил Гарри: — полусгустившиеся пары, гонимые ветром к востоку.

---

¹ Бриз — береговой ветер, дующий днем с моря на материк, ночью — с материка на море.

— А что это за светлые точки мерцают между облаками?

— Это звезды, о которых я тебе говорил, Нелль. Это все солнца, отдельные миры, быть может подобные нашему.

Созвездия вырисовывались все яснее в темной синеве небосвода. Ветер постепенно разгонял тучи. Нелль долго смотрела на эти тысячи сверкающих звезд.

— Но если это солнца, — сказала она, — то как мои глаза могут выносить их блеск?

Они пошли по дороге. Джемс Старр держал девушку за руку, Гарри шел рядом с ней, а Джек Райан то убегал вперед, то возвращался, словно щенок, которого выводит из терпения медлительность хозяев.

Дорога была пустынна. Нелль смотрела на силуэты больших деревьев, раскачиваемых ветром; они были похожи на великанов, размахивающих руками. Шум ветра в их вершинах, глубокое безмолвие в минуты затишья, линия горизонта, видная яснее, когда дорога выходила на равнину, — все вызывало в ней новые чувства, оставляло неизгладимые впечатления.

Около половины двенадцатого они дошли до северного берега Форса. Там их ждала лодка, нанятая Джемсом Старром; она должна была за несколько часов доставить их в Единбургский порт.

Нелль увидела блестящую воду, колыхавшуюся от прилива и словно усеянную дрожащими звездами.

— Это озеро? — спросила она.

— Нет, — ответил Гарри, — это большой залив с проточной водой, это устье реки, почти морской рукав. Зачерпни рукой этой воды, Нелль, и ты увидишь, что она не пресная, как в озере Малькольм.

Девушка наклонилась, обмокнула руку в набежавшие волны и поднесла ее к губам.

— Эта вода соленая, — заметила она.

— Да, — ответил Гарри, — море дошло сюда с приливом. Этой соленой водой покрыто почти три четверти земного шара.

— Но если вода в реках и морях одинаково упала из туч, то почему она соленая? — спросила Нелль.

— Потому что вода теряет соль, испаряясь, — ответил Джемс Старр. — Тучи образуются из испарений и посылают обратно эту пресную воду в виде дождя.

— Гарри, Гарри, — вскричала вдруг девушка, — что

это за красноватый свет на горизонте? Не лесной ли это пожар?

Она указывала на небо, зардевшееся на востоке.

— Нет, Нелль, — ответил Гарри, — это восходит луна.

— Да, луна! — воскликнул Джек Райан. — Великолепное серебряное блюдо, на которое сыплются звездные монеты.

— Как это прекрасно! — повторяла Нелль, вся обратившаяся в зрение. — Но я думала, что луна совсем круглая...

— Она кругла в полнолуние, — ответил Джемс Старр, — то есть когда стоит против солнца. Но этой ночью она находится в последней четверти, и серебряное блюдо нашего друга Джека превратилось просто в таз цырюльника.

— Ах, мистер Старр, — вскричал Джек Райан, — какое недостойное сравнение! Я как раз хотел запеть песню в честь луны:

Светило ночи, что лучом
Своим ласкаешь...

Но нет, теперь это невозможно! Ваш цырюльничий таз сбрил у меня все вдохновение!

— Сядем в лодку, друзья мои, — произнес инженер. — Нам нужно подняться на Трон Артура до восхода солнца.

Лодка была привязана у берега; ее сторожил моряк. Нелль и ее спутники сели. Парус был поднят и вздулся под северо-восточным ветром.

Какое неизведанное наслаждение для Нелль! Она каталась несколько раз по озерам Нового Эберфойла, но как бы плавно Гарри ни двигал веслом, оно всегда выдавало его усилия. Здесь же Нелль впервые почувствовала себя увлекаемой вперед, плавно скользящей, как воздушный шарик. Залив был спокоен, как озеро. Полулежа на корме, Нелль отдавалась этому скольжению. Лунные блики временами падали на водную поверхность, и лодка плыла словно по мерцающему серебряному покрывалу. Маленькие волны плескались у борта. Это было восхитительно.

Глаза Нелль невольно закрылись. Мимолетная дремота охватила ее, голова склонилась на грудь Гарри, и она уснула спокойным сном.

Гарри хотел разбудить ее, чтобы она не потеряла ни одного из чудес этой ночи.

— Дай ей поспать, мой мальчик, — сказал ему инже-

нер. — Два часа отдыха помогут ей перенести впечатления дня.

В два часа ночи лодка достигла пристани Грэнтон. Едва она коснулась земли, как Нелль пробудилась.

— Я спала? — спросила она.

— Нет, дитя мое, — ответил Джеймс Старр, — тебе только снилось, что ты спишь.

Ночь была очень ясная. Высоко поднявшаяся луна разливала свои лучи по небу.

В маленьком Грэнтонском порту стояли только две-три рыбацьи лодки, тихо покачивавшиеся на волнах залива. С приближением зари ветер утихал. Воздух, очистившийся от тумана, обещал один из тех восхитительных августовских дней, которые так прекрасны вблизи моря. От горизонта поднимался теплый пар, такой тонкий, что первые же лучи солнца должны были выпить его без остатка. Девушка видела море, сливающееся с небом.

Гарри взял Нелль за руку, и они пошли за Джеймсом Старром и Джеком Райаном по пустынным улицам. В представлении Нелль это предместье столицы было только скоплением темных домов, напоминавшим ей Углеград, с той разницей, что здесь свод был ниже и мерцал блестящими точками. Она шла легко, и Гарри ни разу не приходилось замедлять шаг, чтобы не утомить ее.

— Ты не устала? — спросил он ее после получасовой ходьбы.

— Нет, — ответила она. — Мои ноги словно не касаются земли. Это небо так высоко над нами, что мне хочется улететь туда, словно у меня есть крылья!

Они вошли в Королевский парк, потом, постепенно поднимаясь, прошли Виктория-Драйв — прекрасную круговую дорогу, удобную для экипажей.

В сущности, Трон Артура представляет собой только холм высотой в семьсот пятьдесят футов, одинокая вершина которого возвышается над окружающими высотами. Меньше чем в четверть часа по спиральной тропе, облегчающей восхождение, Джеймс Старр со своими спутниками достигли вершины, похожей на львиную голову, если смотреть на нее с запада. Там все четверо сели, и Джеймс Старр, всегда имевший наготове цитату из сочинений великого шотландского романиста¹, сказал:

---

¹ Вальтер Скотт, знаменитый шотландский романист и поэт, бравший сюжеты произведений из истории своей страны.

— Вот что говорит Вальтер Скотт в главе восьмой «Эдинбургской темницы: «Если бы мне нужно было выбирать место, откуда лучше всего видны восход или закат солнца, то я выбрал бы именно это». Погоди же, Нелль, солнце вскоре появится, и ты увидишь его во всем величии.

Взоры девушки обратились к востоку. Гарри, сидя рядом, наблюдал за ней с тревожным вниманием. Не произведет ли это на нее слишком сильное впечатление? Все молчали; притих даже Джек Райан.

Над горизонтом в легкой дымке стала намечаться тонкая светлая полоса с розовым оттенком. Остатки заблудившихся облачков были тронуты легким светом. У подножия Трона Артура смутно виднелся еще спящий Эдинбург; в темноте там и сям виднелось несколько светлых точек — это были утренние огоньки, зажигаемые жителями старого города. Дальше на западе горизонт, вырезанный причудливыми зубцами, замыкался линией острых пиков, каждый из которых солнечные лучи должны были вскоре украсить огненным пером.

Тем временем на востоке очертания моря вырисовывались все яснее. Гамма красок возникала постепенно, в том же порядке, что и в радуге. С каждой секундой палитра становилась все ярче. Розовый цвет переходил в красный, красный — в огненный. Рождался день.

Взгляды Нелль перебегали от подножия холма к городу, отдельные здания которого начали постепенно обозначаться. Там и сям поднимались высокие колокольни, и контуры их рисовались во всей чистоте. Наконец первый солнечный луч коснулся глаз девушки; это был тот самый зеленоватый луч, который поднимается утром или вечером из моря, когда горизонт чист. Нелль выпрямилась и протянула руку.

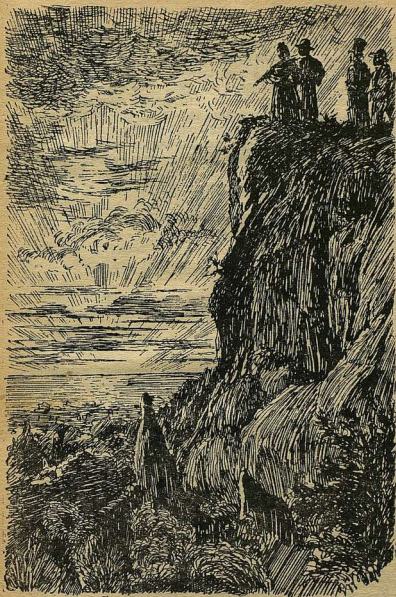
— Пожар! — воскликнула она.

— Нет, Нелль, — ответил Гарри, — это не пожар. Это золотой венец, который солнце возлагает на вершину памятника Вальтер Скотту!

Действительно, верхушка двухсотфутовой колокольни блистала, как маяк.

День настал. Солнце взошло. Его диск казался влажным, точно действительно вышел из морских волн. Сначала сплюснутый, он постепенно принял круглую форму. Его сияние стало вскоре нестерпимым, словно сияние небесного горна.

День настал. Солнце взошло.

Нелль принуждена была закрыть глаза и даже прикрыть веки плотно сжатыми пальцами.

Гарри хотел, чтобы она отвернулась в противоположную сторону.

— Нет, Гарри, — возразила она, — нужно, чтобы мои глаза привыкли видеть то же, что умеют видеть твои.

Сквозь ладони Нелль видела свет, еще розовый, но бледневший по мере того, как солнце поднималось над горизонтом. Она постепенно привыкала к нему. Потом ее веки разомкнулись, и глаза наполнились наконец сиянием дня.

Взволнованная девушка упала на колени с восклицанием:

— Боже мой, как мир прекрасен!

ГЛАВА XVIII

От озера Ломонд к озеру Кэтрэйн

После нескольких часов отдыха и завтрака в Ламберт-отеле решено было закончить экскурсию прогулкой по стране озер.

Силы вернулись к Нелль. Глаза ее могли теперь спокойно переносить солнечный свет, а легкие — вдыхать свежий, живительный воздух. Зелень деревьев, изменчивые оттенки растений, небесная лазурь раздвигались перед ней богатую гамму красок.

Поезд, в который они сели на вокзале, привез Нелль и ее спутников в Глазго. Там с моста, переброшенного через Клайд, они могли любоваться рекой. Ночь они провели в Королевском отеле.

На следующий день они сели в поезд, идущий через Дембертон и Боллок к южной оконечности озера Ломонд.

— Это родина Роб Роя и Фергуса Мак-Грегора¹, так поэтично воспетая Вальтер Скоттом, — говорил Джеймс Старр.

Дембертон расположен при слиянии Клайда и Ливена. Джеймс Старр рассказал несколько эпизодов из полной приключений жизни Марии Стюарт². Из этого замка от-

---

¹ Роб Рой и Мак-Грегор — герои романов Вальтера Скотта.

² Мария Стюарт после смерти своего мужа, короля Франции Франциска Второго, возвратилась в Шотландию и стала шотландской королевой. Впоследствии претендовала на английский престол и была казнена английской королевой Елизаветой.

правлялась она во Францию, чтобы выйти замуж за Франциска Второго и стать французской королевой. Там же в 1815 году английское министерство намеревалось заточить Наполеона, но потом выбор пал на остров Святой Елены, и пленник Англии отправился умирать на скалу в Атлантическом океане.

Вскоре поезд остановился в Боллоке, возле деревянной эстакады, спускавшейся к самому озеру. Туристов, совершающих экскурсию по озерам, ожидал пароход «Синклер». Нелль и ее спутники сели на него, купив билеты до Инверсайда, на северной оконечности озера Ломонд.

День начинался ясный и солнечный, без обычного британского тумана. Ни одна из деталей пейзажа, разворачивающегося на протяжении тридцати миль, не ускользала от пассажиров «Синклера». Нелль, сидя на корме между Джемсом Старром и Гарри, отдавалась всем существом своим величавой поэзии, которой полна шотландская природа.

Джек Райан ходил по палубе «Синклера», без конца расспрашивая инженера, который, впрочем, и без расспросов с энтузиазмом описывал страну Роб Роя, по мере того как она развертывалась перед глазами.

Показались многочисленные мелкие островки. Это был словно питомник островов. «Синклер» обходил их крутые берега, где открывались то одинокие долины, то дикие ущелья, оскالившиеся отвесными утесами.

— Что это за маленький порт? — спросила Нелль, обернувшись к восточному берегу озера.

— Это Балмэ, вход в нагорья, — ответил Джемс Старр. — Отсюда начинается горная Шотландия. Развалины, которые ты видишь, Нелль, это развалины старинного женского монастыря, а в этих разбросанных могилах погребены члены рода Мак-Грегор, который еще славится по всей стране.

— Славится своей и чужой кровью, которую они проливали, — заметил Гарри.

— Ты прав, — ответил Джемс Старр, — и нужно заметить, что слава, купленная в битвах, всегда бывает самой громкой. Эти сказания о битвах идут из глубины веков...

— И увековечиваются песнями, — прибавил Джек Райан и в подтверждение своих слов затянул первую строфу старинной боевой песни, рассказывающей о подвигах Александра Мак-Грегора.

Нелль слушала, но все эти боевые рассказы навевали

на нее грусть. Зачем пролито столько крови на этих бескрайних равнинах, где было достаточно места для всех?

С приближением к маленькому порту Лесс берега озера суживались. На мгновение мелькнула старая башня древнего замка. Потом «Синклер» снова повернулся носом к северу, и взорам туристов открылась гора Бен Ломонд, возвышающаяся над уровнем озера почти на три тысячи футов.

— Какая чудесная гора! — воскликнула Нелль. — И как должен быть прекрасен вид с ее вершины!

— Да, Нелль, — ответил Джеймс Старр. — Смотри, как гордо выделяется эта вершина из ковра дубов, берез, лиственниц, устилающего нижнюю часть горы! Оттуда видны две трети нашей старой Каледонии¹. Там-то и находилась обычная резиденция клана Мак-Грегор. Недалеко отсюда пустынные ущелья не раз обогрелись кровью в стычках между якобитами и ганноверцами². В ясные ночи здесь светит бледная луна. Здесь эхо еще повторяет бессмертные имена Роб Роя и Мак-Грегора Кэмпбелла.

По мере того как «Синклер» огибал гору, местность становилась все более скалистой. Только изредка попадались деревья и среди них ивы, на гибких ветвях которых встарину вешали людей низшего сословия.

— Чтобы не тратить веревки, — заметил Джеймс Старр.

Горы все теснее сжимали озеро. Пароход обогнул еще несколько островов и островков. Наконец оба берега сошлись, и «Синклер» остановился у пристани Инверслайда.

Пока в гостинице готовился завтрак, Нелль и ее спутники отправились осматривать поток, низвергавшийся в озеро с большой высоты. Он казался декорацией, поставленной для удовольствия туристов. Над его струями среди водяной пыли был перекинут трепещущий мостик. С этого места взгляд охватывал большую часть озера Ломонд, а «Синклер» казался только точкой на его поверхности.

После завтрака решено было отправиться на озеро Кэтрайн. В распоряжении туристов было несколько удобных экипажей, которыми славится английское каретное мастерство.

Нелль со своими спутниками села на империале³. Ве-

---

¹ Каледония — древнее название Шотландии.

² Якобиты — сторонники шотландского короля Якова II, изгнанного англичанами; ганноверцы — приверженцы ганноверской династии английских королей.

³ Империал — верхняя часть экипажа с местами для пассажиров.

ликолепный кучер в красной ливрее собрал в левую руку вожжи своей четверки, и экипаж стал подниматься по склону горы вдоль извилистого русла потока. Они миновали крутые берега и спустились в долину без деревьев, без воды, покрытую только тощим вереском. В нескольких местах возвышались кучи камней, похожие на пирамиды.

— Это керны, — сказал Джемс Старр. — В прежние время каждый прохожий должен был принести сюда камень, чтобы почтить героев, спящих в этих могилах. Отсюда идет старинная гаэльская поговорка: «Горе тому, кто пройдет мимо керна, не положив на него камень последней славы». Если бы сыновья сохранили веру отцов, то эти каменные кучи превратились бы теперь в холмы.

Экипаж между тем углубился в узкую извилистую лощину. Маленькое озеро Арклет осталось слева, и открылась крутая дорога, ведущая к гостинице на берегу озера Кэтрайн. Там у легкой пристани покачивался пароходик, носивший, разумеется, гордое имя «Роб Рой». Путешественники тотчас же сели на него: он готовился отплыть.

Озеро Кэтрайн имеет в длину не более десяти миль при ширине не свыше двух.

— Так вот это озеро, которое справедливо сравнивают с длинным угрем! — воскликнул Джемс Старр. — Говорят, что оно никогда не замерзает.

В этот момент с кормы «Роб Роя» раздались чистые звуки волынки¹. Горец в национальном костюме заиграл на волынке с тремя трубками. Песня горца была проста и нежна. Казалось, что мелодия состоит из сочетания шума ветра, плеска воды и шопота листьев.

Нелль охватило изнеможение от непрерывного душевного напряжения. Гарри снова взял ее за руку и сказал, с волнением глядя на девушку:

— Нелль, дорогая Нелль, скоро мы вернемся в наше мрачное царство. Не пожалеешь ли ты о том, что видела за эти несколько часов, проведенных на дневном свете?

— Нет, Гарри, — ответила она, — я буду вспоминать все это, но вернусь в наши любимые копи с радостью.

— Нелль, — продолжал Гарри, стараясь сдержать волнение, — хочешь ли, чтобы мы навсегда соединились? Хочешь ли, чтобы я был твоим мужем?

— Хочу, Гарри, — ответила Нелль, глядя на него свои-

---

¹ Волынка — народный духовой инструмент, поныне распространенный в Шотландии.

ми ясными глазами. — Хочу, если ты думаешь, что я смогу наполнить твою жизнь...

Не успела Нелль закончить фразу, в которой для Гарри заключалось будущее, как случилось нечто необъяснимое.

«Роб Рой», находившийся еще в полумиле от берега, ощутил резкий толчок. Киль его стукнулся о дно озера, и машина, несмотря на все усилия, не могла сдвинуть судно с места.

Это произошло потому, что озеро Кэтрайн внезапно обмелело в своей восточной части, словно в его ложе открылась огромная трещина. В несколько секунд оно высохло, как морской берег во время самого большого отлива. Почти все его воды ушли в недра земли.

— Друзья мои! — воскликнул Джемс Старр, внезапно догадавшись о причине этого явления. — Да спасет бог Новый Эберфойл!

ГЛАВА XIX

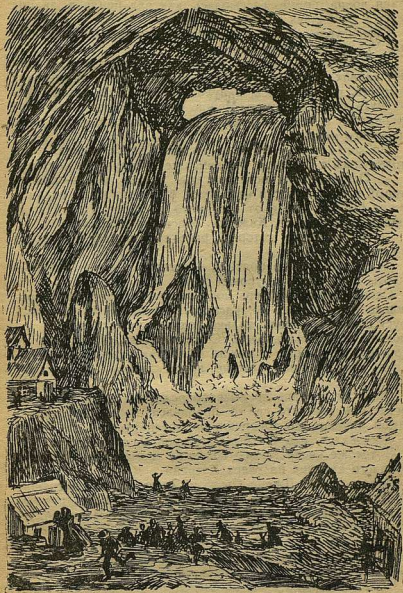
Последняя угроза

В этот день работы в Новом Эберфойле шли, как обычно. Грохот взрывов, подрывающих угольные пласты, был слышен издали. Здесь раздавались удары кайла и лома, отбивающих уголь, там — скрежет бурильных машин, буры которых пронизывали прослойки песчаника и сланца. В шахтах стоял непрерывный глухой шум. Воздух, всасываемый машинами, свистел в вентиляционных ходах, и деревянные двери со стуком захлопывались под его напором. В нижних штреках двигались вагонетки со скоростью пятнадцать миль в час, и автоматические сигналы предупреждали рабочих, что нужно укрыться в нишах. Безостановочно поднимались и опускались клетки с помощью огромных барабанов, установленных на поверхности. Лампы, накаливаемые до предела, ярко освещали Углеград.

Симон Форд и Мэдж после обеда, как обычно, сидели во дворе коттеджа. Старый мастер отдыхал, кура трубку, набитую превосходным французским табаком. Если супруги разговаривали, то всегда о Нелль, о своем мальчике, о Джемсе Старре, об их экскурсии на поверхность земли. Где они? Что делают в этот момент? Как могут оставаться так долго наверху, не скучая о шахте?

Вдруг раздался рев неслыханной силы, и в шахту ворвался огромный водопад. Симон Форд и Мэдж вскочили,

В шахту ворвался огромный водопад.

Почти тотчас же воды озера Малькольм вздулись. Высокая волна, шумно рассыпаясь, как вал прилива, залила берег и разбилась о стену коттеджа.

Симон увлек Мэдж в верхний этаж дома. Со всех концов Углеграда слышались крики.

Жители города искали убежища на высоких прибрежных скалах. Ужас достиг предела. Несколько шахтерских семейств, полуобезумев, кинулось к тоннелю, чтобы достигнуть верхних ярусов. Можно было опасаться, что море прорвалось в копи, штореки которых проходили под дном Северного канала.

Но когда первые беглецы достигли устья тоннеля, они столкнулись с Симоном Фордом, уже покинувшим коттедж.

— Остановитесь, остановитесь, друзья мои! — кричал старый мастер. — Если наш город будет залит, то вода побежит быстрее вас и от нее никто не уйдет! Но вода не поднимается больше. Кажется, опасность миновала.

— А товарищи, которые работают внизу? — крикнул кто-то из шахтеров.

— За них нечего бояться, — ответил Симон Форд: — работы ведутся выше уровня озера.

Слова старого мастера подтвердились. Наводнение произошло неожиданно, но, распространившись по нижнему ярусу обширных копей, только подняло на несколько футов уровень озера Малькольм. Следовательно, Углеграду не угрожала опасность, и можно было надеяться, что наводнение, уйдя в самые нижние ярусы шахты, не вызовет жертв.

Было ли наводнение вызвано разливом подземного водоема, или тем, что где-то прорвался подземный поток, Симон Форд и его товарищи не могли решить. Но никто не сомневался, что это была не простая случайность.

В тот же вечер газеты графства поместили описание странного явления на озере Кэтрайн.

Нелль, Гарри, Джеймс Старр и Джек Райан, поспешно вернувшиеся в коттедж, подтвердили эту новость и с радостью узнали, что для Нового Эберфойла все ограничилось материальным ущербом.

Итак, дно озера Кэтрайн внезапно провалилось. От озера остался только прудок и несколько акров земли там, где дно оказалось ниже обрушившейся части.

Через несколько дней Джеймс Старр говорил об этом в коттедже со старым мастером и его сыном.

— Симон, — говорил он, — хоть этот случай может

объясниться и сам собой, но я чувствую, что он входит в категорию тех, причины которых мы до сих пор ищем.

Разумеется, Нелль старались держать подальше от всех этих тревог. Однако по ее поведению видно было, что она разделяет беспокойство своей приемной семьи. На ее погрустневшем личике отражалась тяжелая внутренняя борьба.

Было решено, что Джемс Старр, Симон Форд и Гарри отправятся на место обвала и попытаются выяснить его причины.

Все трое в легком челноке, которым правил Гарри, отправились осмотреть природные устои, на которые опиралась часть массива, находившаяся под дном озера Кэтрайн. Этот осмотр подтвердил их предположения. Устои были подорваны динамитом. Черные следы копоти были еще заметны, так как вода, впитавшись, обнажила основания устоев. Этот обвал был заранее обдуман и выполнен человеческими руками.

Разведчики вернулись в коттедж. Они никому не сказали о результатах своего исследования, и для всех обвал остался простой случайностью. В Шотландии стало одним озером меньше, и только.

Нелль мало-помалу вернулась к своим прежним занятиям. О посещении поверхности у нее остались неувядаемые воспоминания, которыми Гарри пользовался для ее обучения. Но это посвящение в жизнь внешнего мира не оставило в ней никаких сожалений: как и раньше, она любила мрачное царство, в котором должна была жить, став замужней женщиной, как жила, будучи ребенком и девушкой.

Весть о предстоящей свадьбе Гарри Форда и Нелль разнеслась по всему Новому Эберфойлу. В коттедж отовсюду стекались поздравители. Джек Райан, конечно, явился не последним.

Но случилось так, что в течение месяца, предшествовавшего свадьбе, Новый Эберфойл подвергся большим испытаниям, чем когда-либо. Приближавшийся брак Нелль и Гарри словно вызывал одну катастрофу за другой, и настоящую причину их невозможно было определить.

Так, в одном из нижних штреков пожар истребил деревянное крепление, и была найдена лампа, которой воспользовался поджигатель. Гарри со своими товарищами с риском для жизни остановили пожар, грозивший всей залежи. Это удалось им только благодаря огнетушителям с водой,

насыщенной углекислотой, которыми предусмотрительно были снабжены шахты.

В другой раз произошел обвал, вызванный поломкой обшивки ствола, и Джеймс Старр установил, что обшивка была предварительно подпилена. Гарри, руководивший работами в этом месте, был засыпан обломками и спасся от смерти только чудом.

Через несколько дней поезд, на котором ехал Гарри, наткнулся на препятствие и опрокинулся. Позже было обнаружено, что поперек рельсов была положена балка.

Короче говоря, несчастные случаи стали повторяться так часто, что среди шахтеров началась паника. Нужно было присутствие начальников, чтобы удерживать людей на работах.

— Значит, здесь целая шайка злодеев, — повторял Симон Форд, — а мы не можем поймать ни одного!

Розыски начались снова. Полиция графства была на ногах днём и ночью, но ничего не смогла открыть. Джеймс Старр запретил Гарри, на которого, повидимому, были направлены эти покушения, выходить одному за пределы центра работ.

То же относилось и к Нелль, от которой, однако, по настоянию Гарри, были скрыты все эти преступления, могущие напомнить ей о прошлом. Симон Форд и Мэдж охраняли ее днём и ночью с какою-то суровой заботливостью. Бедная девушка видела это, но у нее не вырывалось ни одной жалобы, ни одного замечания. Понимала ли она, что это делается для ее пользы? Вероятно, да, так как она по-своему охраняла других и казалась спокойной только тогда, когда те, кого она любила, сходились в коттедже. Вечером, когда Гарри возвращался, она не могла удерживать безумной радости, мало совместимой с ее сдержанными манерами. Утром она была на ногах раньше всех; тревога охватывала ее с утра, в час выхода на работу.

Однажды утром, за неделю до свадьбы, Нелль, очевидно под влиянием какого-то мрачного предчувствия, вышла из коттеджа первой, так как хотела осмотреть окрестности. Внезапно у нее вырвался крик ужаса; он раздался по всему дому, и к девушке сбежались Мэдж, Симон и Гарри.

Нелль была бледна, как смерть, и ее искаженное лицо выражало ужас. Она не могла говорить, не спускала глаз с двери коттеджа и указывала дрожащей рукой на строки, начерченные ночью и приводившие ее в трепет:

«Симон Форд, ты украл у меня последний пласт наших старых копей! Гарри, твой сын, похитил у меня Нелль! Горе вам! Горе всем! Горе Новому Эберфойлу!

Сильфакс»

— Сильфакс! — вскричали разом Симон Форд и Мэдж.

— Кто это? — спросил Гарри, взгляд которого переходил с отца на девушку.

— Сильфакс! — повторяла с отчаянием Нелль. — Сильфакс!

Она вся трепетала, повторяя это имя, пока Мэдж почти силой не увела ее в комнату.

Прибежал Джеймс СтARR. Прочитав угрожающие слова, он произнес:

— Эти строки написаны той же рукой, которая написала мне письмо, противоречившее вашему, Симон! Человек этот называется Сильфаксом. Я вижу, что вы его знаете. Кто этот Сильфакс?

ГЛАВА XX

«Кающийся»

Это имя было откровением для старого мастера.

Это было имя последнего «кающегося» в шахте До-черт.

Некогда, до изобретения безопасной лампы, Симон Форд знал этого нелюдима, который должен был, рискуя жизнью, каждый день вызывать частичные взрывы рудничного газа. Он видел это странное существо, блуждавшее по шахте всегда в сопровождении огромного гарфанга — чудовищной совы, помогавшей ему в его опасном ремесле. Птица держала горящий фитиль в клюве и проникала туда, куда не могла достать рука Сильфакса. Однажды этот старик исчез, а вместе с ним и маленькая сиротка, рожденная в шахте и не имевшая других родных, кроме него, своего прадеда. Это дитя, очевидно, и была Нелль.

Значит, они долгие годы жили в каком-нибудь потайном ущелье, пока Гарри не спас Нелль.

Старый мастер, охваченный одновременно и жалостью и гневом, рассказал инженеру и своему сыну все, что напомнило ему имя Сильфакса.

Теперь все объяснилось. Сильфакс и был таинственным существом, скрывавшимся в недрах Нового Эберфойла.

— Так вы его знали, Симон? — спросил инженер.

— Да, — ответил мастер. — Человек с гарфангом! Он был уже не молод, лет на пятнадцать-двадцать старше меня. Совершеннейший дикарь, он не знался ни с кем. Говорили, что он не боится ни огня, ни воды. Он сам выбрал себе ремесло «кающегося», на которое было не много охотников. Эта опасная работа расстроила его мозг. Его считали злым, но, может быть, он был только сумасшедшим. Сила у него была необычайная. Он знал копи, как никто, — по крайней мере, так же, как я сам. Говорили, что он человек довольно состоятельный. Право же, я давно считал его мертвым.

— Но, — продолжал Джемс Старр, — что он хочет сказать этими словами: «Ты украл у меня последний пласт наших старых копей»?

— Ах, вот что! — ответил Симон Форд. — Давно уже старый Сильфакс, мозг которого, как я уже сказал, был расстроен, вообразил, что у него есть права на Старый Эберфойл. Поэтому его нрав становился все хуже и хуже, по мере того как истощалась шахта Дочерт — его шахта! Казалось, что каждый удар кайла вырывает из его тела внутренности. Ты должна помнить это, Мэдж.

— Да, Симон, — ответила старая шотландка.

— Все это вспомнилось мне, — продолжал Симон Форд, — как только я увидел имя Сильфакса на двери, но, повторяю, я считал его мертвым и не мог представить себе, чтобы злобное создание, которое мы так долго искали, было старым «кающимся» шахты Дочерт!

— Действительно, — произнес Джемс Старр, — теперь все объясняется. Случай открыл Сильфаксу существование новой залежи. В своем эгоизме помешанного он решил стать ее хранителем. Живя в шахте, бродя по ней днем и ночью, он проник в вашу тайну, Симон, и узнал, что вы спешно вызываете меня в коттедж. Отсюда — это письмо, противоречившее вашему; отсюда — камень, брошенный в Гарри в день моего приезда, и разрушенные лестницы в стволе Ярроу; отсюда — заделка трещин в стене новой залежи; отсюда, наконец, наше заточение и освобождение благодаря Нелль, но, конечно, против воли Сильфакса.

— Вы рассказываете все так, как оно, вероятно, и было, мистер Джемс, — ответил Симон Форд. — Теперь старый «кающийся», конечно, окончательно сошел с ума.

— Это и лучше, — заметила Мэдж.

— Не знаю, — возразил Джемс Старр, покачав голо-

вой. — Его безумие должно быть страшным. Я понимаю, почему Нелль не может думать о нем без ужаса, и понимаю также, что она не хотела выдавать своего деда. Какие грустные годы она должна была провести рядом с этим стариком!

— Очень грустные, — подтвердил Симон Форд. — Между этим диким стариком и его не менее диким гарфангом, потому что эта птица, конечно, тоже не умерла! Это она погасила нашу лампу, она чуть не погубила Гарри и Нелль...

— И я понимаю, — сказала Мэдж, — что известие о браке его внучки с нашим сыном усилило ненависть Сильфакса.

— Брак Нелль с сыном человека, который, как он думает, украл у него последний пласт Эберфойла, может действительно довести его бешенство до предела, — подтвердил Симон Форд.

— Ему, однако, придется примириться с этим браком! — вскричал Гарри. — Как он ни чуждается людей, его в конце концов убедят, что новое существование Нелль лучше того, которое он заставлял ее вести в недрах шахты! Я уверен, мистер Старр, что если бы нам удалось захватить его, мы убедили бы его.

— Нелзя убедить безумца, мой бедный Гарри! — возразил инженер. — Разумеется, лучше знать своего врага, но еще не все кончено, хотя мы и знаем теперь, что он собой представляет. Будем настороже, друзья мои. А прежде всего, Гарри, нужно расспросить Нелль. Это необходимо! Она поймет, что теперь ее молчание не имеет смысла. Даже в интересах ее деда нужно, чтобы она заговорила. И для него и для нас одинаково важно, чтобы мы положили конец его зловещим замыслам.

— Я не сомневаюсь, мистер Старр, — ответил Гарри, — что Нелль теперь сама выскажется. Вы знаете, что она молчала из чувства долга. И это же чувство заставит ее заговорить. Моя мать хорошо сделала, что увела ее. Ей нужно было оправиться, но я сейчас пойду за ней...

— Не нужно, Гарри, — твердым и ясным голосом сказала девушка, входя в комнату.

Она была очень бледна. Видно было, что она плакала, но чувствовалось, что она решилась поступать так, как требовала ее совесть.

— Нелль! — воскликнул Гарри, бросаясь к ней.

— Гарри, — начала Нелль, жестом останавливая же-

ниха. — Ты и твои родители должны сегодня узнать все. Нужно, чтобы и вы, мистер Старр, узнали все о девушке, которую вы приняли, не зная, кто она, и которую Гарри спас, на свое несчастье.

— Нелль!.. — снова вскричал Гарри.

— Дай Нелль говорить, — остановил юношу Джеймс Старр.

— Я внучка старого Сильфакса, — продолжала Нелль. — Я не знала матери, пока не пришла сюда, — прибавила она, взглянув на Мэдж.

— Будь благословен этот день, дитя мое! — ответила старая шотландка.

— Я не знала отца, пока не увидела Симона Форда, — продолжала Нелль. — Не знала и друга, пока рука Гарри не коснулась моей. Пятнадцать лет я жила одиноко в самых отдаленных уголках шахты вместе с дедом. Вместе с ним — это неточно сказано. Вернее сказать — с его помощью. Я редко видела его. Когда он исчез из Старого Эберфойла, он укрылся в глубинах, известных ему одному. Он был по-своему добр ко мне, хотя и страшен. Он кормил меня тем, что приносил с поверхности земли, но я смутно помню, что в самые ранние годы моей кормилицей была коза, и когда она погибла, я была очень огорчена. Дедушка, видя меня такой опечаленной, заменил ее другим животным — собакой, как он сказал. К несчастью, эта собака была веселая и лаяла. Мой дед не любил веселья. Меня он научил молчать, но собаку не мог, и бедное животное очень быстро исчезло. Товарищем дедушки была большая птица, гарфанг, которой я сначала боялась; но эта птица, несмотря на мое отвращение, так полюбила меня, что я наконец привязалась к ней. Она стала слушаться меня больше, чем своего хозяина, и это заставляло меня даже тревожиться за нее: дедушка был ревнив. Мы с гарфангом всячески скрывали нашу дружбу. Мы понимали, что это необходимо... Но я слишком много говорю о себе. Дело касается вас...

— Нет, дитя мое, — ответил Джеймс Старр, — говори, как тебе хочется.

— Мой дедушка, — продолжала Нелль, — всегда был недоволен вашим соседством, хотя места в шахте было достаточно. Он выбирал себе убежища далеко, очень далеко от вас. Ему было неприятно вас видеть. Когда я его спрашивала о жителях коттеджа, он становился мрачным и долго ничего не говорил. Гнев его разразился, когда он

заметил, что, не довольствуясь старыми владениями, вы решили захватить и новые области. Он поклялся, что если вам удастся проникнуть в новую залежь, о которой до сих пор знал только он, вы погибнете!

— Продолжай, Нелль, — сказала Симон Форд девушке, умолкшей на минуту, словно для того, чтобы лучше разобраться в воспоминаниях.

— После вашей первой попытки, — продолжала Нелль, — как только дедушка увидел, что вы проникли в проходы Нового Эберфойла, он заделал ход и запер вас, как в тюрьме. Для меня вы были только тени, мельком виденные во мраке. Но я не могла вынести мысли, что вы умрете с голода в этих недрах, и, рискуя быть застигнутой, я стала приносить вам немного воды и хлеба. Я хотела бы вывести вас наружу, но обмануть бдительность деда было так трудно! Вы должны были умереть... Но тут пришли Джек Райан и его товарищи. К счастью, я встретила их в этот день и повела к вам. На обратном пути меня поймал дед. Гнев его был ужасен. Я думала, что он убьет меня. С тех пор жизнь для меня стала невыносимой. Рассудок бабушки окончательно помрачился. Он объявил себя царем огня и мрака. Когда он слышал, как вы ломаете пласты, которые он считал своими, он приходил в бешенство и бил меня. Я хотела убежать, но это было невозможно: он строго следил за мной. Наконец три месяца назад в приступе ярости он спустил меня в пропасть, где вы меня нашли, а сам исчез, тщетно зовя гарфанга, который остался со мною. Сколько времени я пробыла там, не знаю. Знаю только, что я умирала, когда ты пришел, мой Гарри, и спас меня. Но, видишь ли, внучке старого Сильфакса нельзя быть женою Гарри Форда. Речь идет о твоей жизни, о жизни всех вас!

— Нелль! — прошептал Гарри.

— Нет, — продолжала девушка, — я должна пожертвовать собой. Есть только один способ предотвратить вашу гибель — это вернуться к деду. Он угрожает всему Новому Эберфойлу... Это душа, неспособная прощать, и никто не может угадать, что внушит ему жажда мести. Мой долг ясен. Я была бы презреннейшим созданием, если бы колебалась выполнить его. Прощайте, и благодарю вас. Вы дали мне узнать счастье в этом мире! Что бы ни случилось, знайте, что мое сердце останется с вами!

При этих словах Симон Форд, Мэдж и Гарри вскочили с мест, обезумев от горя.

— Как, Нелль! — воскликнули они с отчаянием. — Ты хочешь покинуть нас?

Джемс Старр отстранил их властным жестом и, подойдя прямо к Нелль, взял ее за обе руки.

— Хорошо, дитя мое, — произнес он. — Ты сказала все, что должна была сказать, но вот что мы должны тебе ответить. Мы не дадим тебе уйти и, если понадобится, удержим тебя силой. Но хочешь ли ты, в интересах самого старого Сильфакса, рассказать нам о его привычках, о том, где он скрывается? Мы хотим только одного: лишить его возможности вредить и, может быть, вернуть ему рассудок.

— Вы хотите невозможного, — ответила Нелль. — Мой дед везде и нигде. Я никогда не знала его убежищ. Я никогда не видела его спящим. Когда он находил какой-нибудь тайник, то оставлял меня одну и скрывался. Верьте мне! Есть только один способ обнаружить его: искать мне самой. Он невидим. Насколько я могу судить, он даже в безумии человек великого ума. Раньше он говорил мне замечательные вещи и обманул меня только в одном: он уверял, что все люди злы, и хотел внушить мне ненависть к ним. Когда Гарри принес меня сюда, вы думали, что я только невежественна? Нет, я была еще запугана. Ах, простите меня, но несколько дней я считала себя во власти злодеев и хотела убежать от вас! Что постепенно возвратило меня к истине — это вы, Мэдж. И вы сделали это не словами, а всем укладом вашей жизни, когда я увидела, как ваш муж и сын любят и уважают вас. Потом я увидела, как эти счастливые, добрые труженики почитают мистера Старра, а я считала их его рабами. Тогда я сказала себе: «Дедушка обманул меня!» Но теперь, когда вы научили меня многому, я думаю, что он обманулся сам. Теперь я снова пойду по тайным путям, по которым раньше ходила с ним. Он, наверное, ждет меня. Я позову его... он услышит... и кто знает, может быть я верну ему разум, возвратившись к нему?

Все молча слушали девушку. Каждый чувствовал, что ей нужно открыть свою душу перед друзьями в тот момент, когда в своем великодушном заблуждении она думала, что должна навсегда покинуть их. Но когда она умолкла, изнемогая, с полными слез глазами, Гарри обратился к Мэдж:

— Матушка, что вы подумали бы о человеке, который покинул бы эту благородную девушку?

— Я подумала бы, — ответила Мэдж, — что этот человек негодай, и если бы он был моим сыном, я отеклась бы от него и прокляла его!

— Нелль, ты слышала, что сказала наша мать, — продолжал Гарри. — Куда пойдешь ты, туда пойду и я. Если ты настаиваешь на том, чтобы уйти, мы уйдем вместе.

ГЛАВА XXI

Свадьба Нелль

Все разошлись, условившись быть настороже.

Угроза старого Сильфакса была слишком прямой, чтобы пренебречь ею. Можно было думать, что старый «кающийся» располагает каким-нибудь страшным способом уничтожения всего Эберфойла.

У входов в шахты была расставлена вооруженная стража с приказанием бодрствовать днем и ночью. Всякого незнакомого человека приводили к Джемсу Старру для удостоверения его личности. Жителей Углеграда предупредили об угрозах, направленных против подземной колонии. Так как у Сильфакса здесь не было никаких знакомств, то опасаться измены было нечего. Нелль сообщили о принятых мерах предосторожности, и она стала несколько спокойнее. Впрочем, больше чем что бы то ни было повлияло на нее решение Гарри следовать за нею повсюду, так что она обещала не уходить.

В течение недели, предшествовавшей свадьбе Нелль и Гарри, в Новом Эберфойле не произошло никаких событий. Поэтому шахтеры, не ослабляя бдительности, понемногу опомнились от страха.

Тем временем Джемс Старр продолжал разыскивать старого Сильфакса. Штреки были обследованы до верхних ярусов, выходивших на поверхность в развалинах замка Дендональд, в Эрвайне. Предполагали, что именно этим путем старый Сильфакс сообщался с внешним миром и покупал или воровал все, что было нужно для его жалкого существования.

Что касается Огненных Женщин, то Джемс Старр думал, что Сильфакс поджиг струю рудничного газа, выделявшегося в этой части шахты, и тем вызвал столь странное явление.

В этой борьбе с неуловимым существом Джемс Старр был несчастнейшим из людей, хоть и скрывал это. С при-

ближением дня свадьбы его опасения росли, и он счел долгом сообщить о них старому мастеру, который начал тревожиться не меньше, чем сам инженер.

Наконец долгожданный день настал.

Сильфакс не подавал признаков жизни.

С утра все население Углеграда было на ногах. Работы в Новом Эберфойле были приостановлены. Начальники и рабочие стремились поздравить старого мастера и его сына: это было только долгом благодарности двум смелым и упорным людям, вернувшим шахте ее былое процветание.

Бракосочетание должно было совершиться в одиннадцать часов в часовне у озера Малькольм. В назначенный час из коттеджа вышли Гарри под руку с матерью и Симон Форд, ведущий Нелль. За ними шли Джемс Старр, невозмутимый с виду, но приготовившийся ко всему, и Джек Райан, великолепный в своем наряде волинщика. За ними следовали инженеры, лучшие люди Углеграда, друзья старого мастера, все члены огромной шахтерской семьи, составлявшей население Нового Эберфойла.

На поверхности был один из тех знойных августовских дней, которые на севере бывают особенно тягостными. Грозовой воздух проникал даже в глубину шахты, где температура поднялась выше обычного. Заметно было довольно редкое явление — барометр в Углеграде сильно упал. Казалось, можно было опасаться, что под сланцевым куполом разразится гроза.

Но, сказать правду, никто не интересовался атмосферными угрозами внешнего мира.

Разумеется, все надели лучшие наряды. На Мэдж был старинный костюм. Нелль была одета просто, и эта простота еще больше подчеркивала ее привлекательность. Единственным ее украшением была пестрая лента на голове — обычное украшение молодых каледонок.

Нелль обещала себе не обнаруживать волнения и казалась спокойной и сосредоточенной.

Шествие направилось к роскошно разукрашенной часовне. Фонари сияли в небе Углеграда, как множество солнц. В часовне электрические лампы тоже разливали яркий свет. Цветные стекла в окнах сверкали, как огненный калейдоскоп.

Брачную церемонию должен был совершить distinguished гостем Уильям Гобсон. Он ожидал жениха и невесту перед входом в часовню.

Торжественное шествие приближалось, огибая озеро Малькольм. Раздались звуки органа, и обе четы вслед за достопочтенным Гобсоном направились к алтарю.

На всех присутствующих было призвано небесное благословение; потом Гарри и Нелль остались одни перед священником, державшим в руках молитвенник.

— Гарри, — спросил достопочтенный Гобсон, — хотите ли вы взять Нелль в жены и клянетесь ли любить ее всегда?

— Клянусь! — с силой ответил молодой человек.

— А вы, Нелль, — продолжал священник, — хотите ли вы взять Гарри Форда в мужья и...

Не успела девушка ответить, как раздался страшный грохот.

Один из огромных утесов, образующих террасу над озером Малькольм шагах в ста от часовни, внезапно отвалился без всякого взрыва, словно его падение было подготовлено заранее. Вода под ним устремилась в черную впадину, о существовании которой никто не подозревал.

Вдруг между утесами из впадины показался челнок, могучим ударом весел вынесенный на середину озера.

В челноке стоял старик в темной одежде, с взъерошенными волосами и длинной седой бородой, падавшей ему на грудь. В руке у него была лампа Дэви, в которой горело пламя, защищенное металлической сеткой.

Старик громко кричал:

— Газ! Газ! Горе всем! Горе!

В воздухе разлился легкий характерный запах метана.

Очевидно, падение утеса дало выход большому количеству взрывчатого газа, собравшегося в огромных «карманах», закрытых до сих пор. Газ летел к сводам купола под давлением в пять-шесть атмосфер.

Старик знал о существовании этих «карманов» и открыл их сразу, чтобы сделать воздух в пещере взрывчатым.

Тем временем Джемс Старр и некоторые другие, выбежав из часовни, кинулись на берег.

— Прочь из шахты! Прочь из шахты! — закричал с порога часовни инженер, понявший неизбежность катастрофы.

— Газ! Газ! — повторял старик.

Гарри, увлекая свою невесту, отца и мать, поспешно выбежал из часовни.

— Прочь из шахты! Прочь из шахты! — повторял Джемс Старр.

Но бежать было поздно. Старый Сильфакс был здесь, готовый выполнить свою последнюю угрозу — помешать браку Гарри и Нелль и похоронить все население Углеграда под развалинами копей. Над головой у него летал огромный гарфанг с черными пятнами на белых перьях.

Вдруг какой-то человек кинулся в воду и быстро поплыл к челноку. Это был Джек Райан. Он хотел догнать сумасшедшего раньше, чем тот успеет сделать свое гибельное дело.

Сильфакс увидел его. Он разбил стекло своей лампы¹, выхватил оттуда горящий фитиль и провел им по воздуху.

Мертвое молчание повисло над потрясенной толпой: Джемс Старр, покоряясь судьбе, удивлялся, что взрыв не уничтожил еще Нового Эберфойла.

Сильфакс, черты которого исказились, понял, что рудничный газ, слишком легкий, чтобы удержаться в нижних слоях воздуха, скопился под самым куполом.

Тогда гарфанг, по знаку Сильфакса, схватил в лапы горящий фитиль, как он привык делать в штреках шахты Дочерт, и начал подниматься с ним к куполу, куда старик указал ему рукой.

Еще несколько секунд, и Нового Эберфойла не станет...

Но в этот момент Нелль вырвалась из объятий Гарри.

Спокойная и вдохновенная, она подбежала к озеру, к самому краю воды.

— Гарфанг! Гарфанг! — звонко закричала она. — Ко мне! Лети ко мне!

Верная птица заколебалась на мгновение, но, узнав голос Нелль, уронила горящий фитиль в воды озера и, описав широкий круг, опустилась к ногам девушки.

Верхние взрывчатые слои, в которых рудничный газ смешался с воздухом, не успели воспламениться.

Страшный крик огласил своды. То был последний крик старого Сильфакса.

В тот момент, когда Джек Райан схватился рукой за борт челнока, старик, видя, что мшенье ускользнуло от него, кинулся в воды озера.

---

¹ В лампе Дэви верхняя часть пламени окружена металлической сеткой, а нижняя — жароупорным стеклом.

— Спасите его! Спасите! — закричала Нелль.

Гарри услышал ее. Бросившись в воду в свою очередь, он скоро доплыл до Джека Райана и нырнул несколько раз.

Но усилия его были напрасны: воды озера Малькольм не отдали своей добычи, они навсегда сомкнулись над старым Сильфаксом.

ГЛАВА XXII

Легенда о старом Сильфаксе

Через полгода после этих событий в часовне над озером Малькольм происходила так странно прерванная свадьба Гарри Форда и Нелль.

Джемс Старр и Симон Форд, отныне свободные от всяких тревог, весело открыли праздник, последовавший за церемонией и продолжавшийся до следующего дня.

Джек Райан, одетый в свой костюм волыешника, одновременно пел, играл и плясал при рукоплесканиях всех собравшихся.

А на следующий день подземные работы возобновились под руководством Джемса Старра.

Излишне говорить, что Гарри и Нелль были счастливы. Эти два сердца, перенесшие столько испытаний, нашли в своем союзе заслуженное счастье.

Что касается Симона Форда, почтенного мастера Нового Эберфойла, то он собирался прожить столько, чтобы отпраздновать пятидесятилетие своей свадьбы с доброй Мэдж, которая ничего не имела против.

— А после первой золотой свадьбы мы справим вторую, — говорил Джек Райан. — Два пятидесятилетия — не слишком много для вас, мистер Симон.

— Ты прав, мальчик, — отвечал спокойно старый мастер. — Что удивительного в том, чтобы прожить два столетия в чудесном климате Нового Эберфойла?

Смогут ли присутствовать жители Углеграда на этом новом празднестве? Будущее покажет.

Необычайного долголетия достиг гарфанг старого Сильфакса. После смерти старика, несмотря на все старания Нелль удержать его, он улетел, и с тех пор Нелль изредка видела его парящим над озером Малькольм.

Хотел ли он снова увидеть свою прежнюю подругу? Хотел ли проникнуть своим пронзительным взором до самого дна пропасти, поглотившей старого Сильфакса?

Как бы то ни было, гарфанг стал легендарным и внушил Джеку Райану немало фантастических историй.

Именно благодаря этому веселому малому на шотландских праздниках до сих пор поют легенду о птице старого Сильфакса, последнего «кающегося» в копиях Эберфойла.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Г. Ленобль — Жюль Верн . . . . .</i>	3
<i>Глава I. Два противоречивых письма . . . . .</i>	7
<i>Глава II. В дороге . . . . .</i>	12
<i>Глава III. Встреча . . . . .</i>	14
<i>Глава IV. Шахта Дочерт . . . . .</i>	15
<i>Глава V. Семейство Форд . . . . .</i>	21
<i>Глава VI. Несколько необъяснимых явлений . . . . .</i>	26
<i>Глава VII. Опыт Симона Форда . . . . .</i>	28
<i>Глава VIII. Взрыв динамита . . . . .</i>	35
<i>Глава IX. Новый Эберфойл . . . . .</i>	38
<i>Глава X. Туда и обратно . . . . .</i>	40
<i>Глава XI. Огненные Женщины . . . . .</i>	45
<i>Глава XII. Подвиги Джека Райана . . . . .</i>	50
<i>Глава XIII. Углеград . . . . .</i>	57
<i>Глава XIV. На волоске . . . . .</i>	60
<i>Глава XV. Нелль в коттедже . . . . .</i>	65
<i>Глава XVI. На движущейся лестнице . . . . .</i>	72
<i>Глава XVII. Восход солнца . . . . .</i>	75
<i>Глава XVIII. От озера Ломонд к озеру Кэтрайн . . . . .</i>	82
<i>Глава XIX. Последняя угроза . . . . .</i>	86
<i>Глава XX. «Кающийся» . . . . .</i>	91
<i>Глава XXI. Свадьба Нелль . . . . .</i>	97
<i>Глава XXII. Легенда о старом Сильфаксе . . . . .</i>	101

Обложка В. Щеглова.

Для среднего и старшего возраста

Ответств. редактор *М. Поступальская.*

Технический редактор *Г. Вебер.*

Подписано к печати 12/VII 1945 г.

6½ печ. л. (5,8 уч.-изд. л.). 38 000 зн.

в печ. л. Тираж 45 000 экз.

Заказ № 431. А20298. Цена 3 р 50 к.

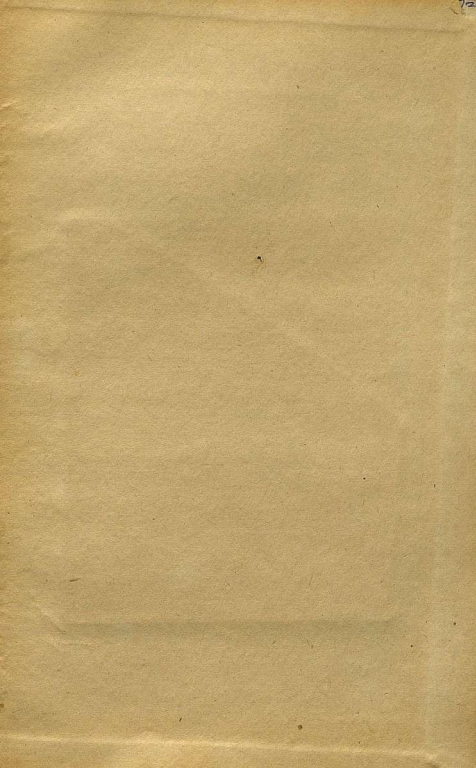

Фабрика детской книги Детгиза

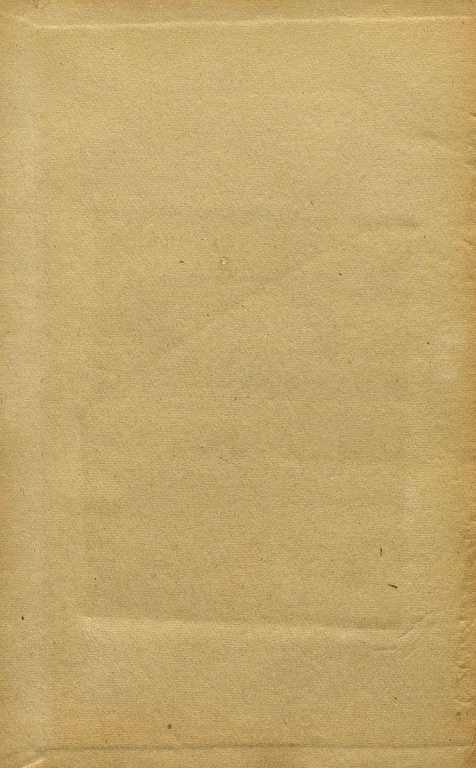
Наркомпроса РСФСР.

Москва, Суцевский вал, 49.

~~5409~~

5

